

ЕВГЕНИЙ
САЛИАС
—→
СОЧИНЕНИЯ

Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир

Философ

OCR Бычков М. Н.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169879

Сочинения в двух томах. Том 1: Художественная литература; Москва;

1991

ISBN 5-280-01547-4

Содержание

I	5
II	11
III	17
IV	23
V	28
VI	35
VII	42
VIII	51
IX	60
X	68
XI	75
XII	82
XIII	91
XIV	100
XV	107
XVI	113
XVII	119
XVIII	125
XIX	135
XX	142
XXI	148
XXII	154
XXIII	160

XXIV	170
XXV	175
XXVI	178
XXVII	184

Салиас Евгений Андреевич Философ

Историческая повесть

На всякого мудреца довольно простоты

I

Первопрестольная Москва сразу оживилась, зашумела, задвигалась... За одну неделю столицу узнать было нельзя. И власти, и дворянство, и купечество, и простой народ – все взволновались и толковали только об одном событии – ожидаемом приезде из Питера царствующей императрицы Екатерины Алексеевны. Некоторые важные сановники уже приехали вперед, других ожидали. Приехавшие уже делали визиты по городу, начиная с двух первых вельмож Москвы, – с генерал-губернатора графа Салтыкова¹ и с великого боярина, жившего на покое, графа Алексея Григорьевича Разумов-

---

¹ ...Салтыков Петр Семенович (1696–1772/73) – русский полководец, граф (1733), дальний родственник императрицы Анны Иоанновны, генерал-фельдмаршал (1759), командующий русской армией во время Семилетней войны в кампании 1759–1760 гг.; одержал победы при Пальциге и Кунерсдорфе. В 1764–1771 гг. – московский генерал-губернатор.

ского.²

Власти московские завертели и завертели других обывателей. Надобно было привести город в порядок, а так как его не было и в помине, то хлопот и забот было немало. Все, что считалось возможным, законным и совершенно правильным в продолжение многих лет, вдруг теперь оказывалось совершенно незаконным и совершенно неправильным.

Вскоре все вельможные дома Москвы были уже полны приезжими из вотчины гостями и родственниками. Всюду было шумно.

За одной из застав, по дороге к Бутыркам,³ вокруг больших палат, к которым примыкал густой сад, сновало около сотни всяких рабочих. Дом, подновленный и свежевывезанный, желтый, канареечного цвета, смотрел весело. Зато внутри было тихо, мертво. Дом был пуст, и только один управитель, маленький и седенький старичок Финоген Павлович, расхаживал по всем горницам и в сотый раз осматривал всякий предмет и всякий уголок, озабоченный тем, все ли как следует и все ли на месте.

В дом ожидался барин, не бывавший в нем около десяти лет. Управитель за две недели сумел из старого, заброшен-

---

² Разумовский Алексей Григорьевич (1709–1771) – из семьи украинских казаков, оказался при дворе певчим, затем стал фаворитом цесаревны Елизаветы Петровны; после ее восшествия на престол вступил с ней в тайный брак; в 1756 г. получил звание фельдмаршала, а в 1744-м – титул графа.

³ Бутырки – старинный городской район на севере Москвы (Бутырская слобода), известный с XVII столетия.

ного и запущенного дома, с таковым же садом, сделать барскую резиденцию на славу. Правда, что трехсот рублей, присланных на расход барином, не хватило, но зато и загородной резиденции узнать было нельзя.

Финоген Павлович смущался все-таки сильно: угодит ли он, останется ли на своем управительском месте или улетит невесть куда. С барином-князем трудно было знать свою судьбу.

На всю Москву был только один такой человек, как князь Аникита Ильич Телепнев. Князь был чудодей и непонятного нрава боярин. Никто еще никогда не сумел вполне угодить ему или похвастать его привязанностью. Наоборот, с князем все зачастую попадали впросак.

«Господу Богу угодить много легче, чем Аниките Телепневу», – говорила про него Москва.

Но если князь, шестидесятилетний человек, был еще чудодей, то не из тех, что веселят и потешают родных и знакомых, а из тех чудодеев, которые тяжелы и нравом, и рукой. Князь жил почти безвыездно в своей вотчине на Старо-Калужской дороге. Этот же московский дом на Бутырках не годился бы и во флигеля к тому дому, который стоял в вотчине. Там одних дворовых полагалось ровно полтысячи, не больше и не меньше. Когда кто умирал, то князь сейчас добавлял полтысячу из запаса. Громадные конюшни и громадные оранжереи окружали дом. Князь, никуда не выезжавший, даже на прогулки по своим владениям, все-таки держал шесть

шестериков, десять троек и один парадный цуг коней серебристо-чалых. Цуг этот был известен, и уже пять лет его торговали у князя и покупали для отсылки ко двору в Петербург. Но конюшенные чиновники с таким предложением только засылали людей стороной, но лично никто из них не смел с эдакою дерзостью сунуться к князю.

Нелюдим и домосед, называвший себя, по-новому, заморским словом «мизантроп», решил тоже приехать из вотчины в московский дом, хоть и загородный. Одни говорили, что князь Телепнев сам собрался, желая представиться монархине, другие уверяли, что нелюдиму, засевшему на «Калужке», приказали приехать и быть налицо.

Около полудня, на Бутырках, штукатуры и маляры, каменщики и плотники покончили работу, собрали инструмент и целой кучей сошлись на большом дворе. Финоген Павлович вышел тоже на двор и стал убедительно усовещивать народ долго не прохлаждаться.

– Поел, выспался – и иди, – говорил он, – время не такое, через два дня следовало бы всему в исправности.

– Уж будьте покойны, – отзывались голоса со всех сторон, – уж это мы беспременно, мы только маленько отдохнем.

Но уверения рабочих всякий день были одни и те же, и всякий день большая часть запаздывала, ела и спала вдвое больше, чем Финогену Павловичу желалось.

В ту минуту, когда рабочие двинулись по двору, свои кре-

постные в людскую, где уже дымились горшки с обедом, а вольные за ворота, в соседние трактиры и кабаки, – в растворенные настежь ворота примчалась верховая лошадь с военным седлом, но без седока. При виде кучи народа лошадь шарахнулась в сторону, проскакала по двору и влетела со двора в сад.

– Батюшки мои, – завопил, всплеснув руками, Финоген Павлович, – только что в клумбы высадили цветы. Все перетопчет. Голубчики, помогите!

И управитель быстро и энергично распорядился. Рабочие повернули назад, пробежали в сад и живой изгородью стали перед домом, где, помимо цветника и клумб, были выставлены рядами лимонные, померанцевые, лавровые и другие деревья. Финоген Павлович принял на себя роль главнокомандующего, разделил рабочих на правильные отряды и повел атаку по главным липовым аллеям. Заскакавшая лошадь вскоре была прижата к углу большого сада, но, когда пришлось приблизиться к ней, чтобы схватить ее за повод, охотников не оказывалось; при малейшем приближении к лошади она особенно искусно поворачивалась к подходящему и так была задом, что только подковы сверкали и посвистывали по воздуху.

– Вот так конь, – решили, шутя, рабочие, – руками не поймашь, а только зубами возьмешь. Сама то есть она тебе ноги в зубы подаст.

Облава чужого коня долго не приходила к концу, хотя оза-

боченный Финоген Павлович убедительно и красноречиво доказывал рабочим и двум конюхам, что лошадь поймать самое пустое дело, только сноровка нужна. Но вдруг около толпы неожиданно явился откуда-то, как с неба свалился, высокий молодой офицер.

II

– Ваше благородие, конь-то ваш, должно? – догадался сразу Финоген Павлович.

– Мой, мой. Извините за беспокойство. Вырвался из рук и ускакал. Не попади к вам – пришлось бы пешком в Москву идти.

Офицер, богатырь с виду, быстро направился к лошади. Рабочие ждали снова той же штуки со стороны коня; некоторым даже желалось, ради потехи, чтобы лошадь свистнула барина-офицера. Но ожидания были напрасны: лошадь повернулась было задом, но офицер крикнул:

– Гей, Полкан, не признал, что ли!

И должно быть, Полкан тотчас заметил свою ошибку, ибо повернулся мордой к хозяину и даже наклонил голову, как бы извиняясь за учиненную дерзость.

– Вишь как! – невольно воскликнуло несколько человек, – что значит хозяин-то.

– Да, с хозяином разговор, братец ты мой, короткий!.. А все же таки обедать пора... – решили в толпе.

Вся кучка рабочих повалила со двора, весело галдя о забавном приключении.

Офицер, ведя коня под уздцы, направился тоже вон из сада, но по дороге обратился к старику:

– Извините за беспокойство. А я все-таки рад, что лошадь

к вам заскакала, а то я ее в Москве трое суток проискал бы; а то бы и совсем угнали. Извините.

– Помилуйте, что же-с! Слава Богу! Вам в пользу и нам не во вред. Сначала-то я испугался, что цветник весь перетопчет, а я барина жду кажинный час: нехорошо бы было. А барин у нас спуску не дает. Мы только что, извольте видеть, все заново привели. Барин тут годов десять не бывал, а вот теперь, по случаю царского посещения, дом бутырский посетить пожелал.

Разговаривая, офицер и управитель уже прошли широкую липовую аллею и были перед цветником и перед красивым домом со стеклянными галереями по бокам.

– Вот одних стекол на тринадцать рублей вставил, – похвастал управитель.

– Да, красиво, – выговорил офицер, оглядываясь, – дом просто с иголочки. Будто вчера только закончили постройкой. Красиво.

– Да-с, наш барин князь из первых вельмож, богатей его разве один граф Разумовский, а то нету! – гордо выговорил Финоген Павлович.

– А чье это? Кто ваш барин?

– Князь Телепнев.

– Что? – вскрикнул офицер так, как если б его Финоген Павлович ударил поленом по голове.

Старик даже вздрогнул от восклицания офицера, и поневоле наступило молчание, так как управитель назвал барина

снова и не знал, что сказать еще, а офицер ничего не спрашивал.

– Князь Телепнев, сказываете вы, Аникита Ильич, – выговорил наконец он как-то странно.

– А что-с, изволите их знать? – спросил управитель.

– Да, то есть нет. Слышал, лично не знал. Да ведь он в Москве не живет.

– Как можно-с! Князь у нас особый вельможа, Москвы не любит и ничего не любит; он проживает в вотчине по старой Калужке, никуда не ездит и к себе, почитай, никого не пускает. Такая уж, стало быть, у него повадка, таков уродился. А барышня-княжна прежде тоже все при них жила, махонькая когда была, а теперь князь стал княжну отпускать. Девушке не усидеть веки вечные среди деревенщины. Княжна вот теперь бывает и подолгу гостит у своего братца и у тетушки...

– У генеральши Егузинской?

– Тоже изволите знать?

– Как же, знаю, – угрюмо выговорил офицер и как бы подавил в себе вздох.

– Так вот оно как, – прибавил он задумчиво. – Чудно. Нашла же моя лошадь куда заскакать. Я и не знал, что у князя на Бутырках эдакий дом. Я тут часто проезжал верхом, но никогда не полагал, что это князя Телепнева. Чудно это. Удивительно совсем.

– Да-с, по-народному – примета, – улыбнулся Финоген Павлыч.

– Что, примета? Какая? – оживился богатырь офицер.

– Уж не могу вам сказать, а только коли чья-нибудь лошадь сама заскачет в чужой двор, то, стало быть, примечание есть. И верно примечание, доложу я вам. Самое верное...

– Да какое? – весело улыбаясь, переспросил офицер.

– А уж этого я вам доложить не сумею, а только что верное. Это уж я сам сколько раз на веку своем примечал.

Офицер поглядел в лицо седенького старичка и улыбнулся добродушно.

– Как вас звать? – выговорил он.

– Финоген-с. Я управитель княжеский. Сколько годов здесь живу и ее упомню.

– А по батюшке?

– По батюшке-то? Что ж вам? Господам это знать не полагается.

– Нет, вы уж скажите.

– Финоген Павлович, коли приказываете.

– Ну, очень рад, Финоген Павлыч, что с вами познакомился, – дружелюбно и ласково выговорил офицер.

Старичок от голоса, которым были сказаны эти слова, просиял. Видно было, что он очень чувствителен к такого рода обращению.

– Простите, а и мне позвольте полюбопытствовать – кто вы изволите быть?

– Я, как видите, офицер, но не московский, а петербургский. Теперь временно проживаю в Москве, а зовусь я –

Алексей, по батюшке – Григорьевич, а по фамилии – Галкин. Фамилия, как видите, не мудреная и не громкая...

– Что же-с, ничего это-с. Галка все ж таки, ведь птица-с.

Управитель сказал это таким голосом и столько утешения наивно старался вложить в свои слова, что молодой человек невольно громко рассмеялся.

– Ну-с, прощайте. Если буду как проезжать мимо, заверну лично к вам в гости. Иной раз молока попрошу напиться, коли у вас есть.

– Сделайте одолжение-с, осчастливьте.

– Только я, Финоген Павлыч, теперь вряд ли заеду. А вот когда царица проедет через Москву, тогда заеду. А уж если вы говорите, что мой конь, к вам заскакавший, хорошая примета, то, пожалуй, я здесь и в гостях у вашего князя окажусь.

Но последние слова богатырь произнес со странным оттенком в голосе, почти грустно. Выведя лошадь из сада во двор, он ловко вскочил на нее, пришпорил и галопом съехал со двора.

– А ведь красавец, – выговорил Финоген Павлыч, глядя в пустые, настезь раскрытые ворота, – росту какого, да и в плечах-то сущий богатырь! Да и лицом такой чистый, да и ласковый. Нешто с нами, дворовыми холопами, эдак господа разговаривают! Должно, у него своих-то рабов нету в заводе, оттого он и ласков. Это уж завсегда так на свете бывает.

И Финоген Павлыч побрел в дом, чтобы снова во сто первый раз обойти все горницы и обнюхать всякий уголок.

«Авось минует меня... – думалось ему. – Приедет и уедет барин без встряски...»

III

Недалеко от речки Неглинной, близ Воздвиженского монастыря,⁴ в новом, недавно лишь отстроенном барском доме, был большой съезд: хозяин был именинник. Гости вереницей подъезжали к главному парадному крыльцу; двор был заставлен экипажами.

Хозяин дома был князь Егор Аникитович Телепнев, сын того, который ожидался в бутырском доме. Молодой князь был не более года как женат, и женитьба его воочию доказала всей столице, что князь Аникита действительно чудодей. Он женил единственного сына так, что наделал соблазну на весь город. Только очень недавно перестали толковать, судить и пересуживать брак одного из первых женихов Москвы. Особенно долго шумели и рядили те родители, у которых дочери невесты засиделись в девках. И князя Аникиту, и его сына матушки, метившие на богатого жениха, раздирали на части.

Действительно, случай был необыкновенный и почти диковинный. Князь Телепнев женил сына на замоскворецкой купчихе.

– За всю свою жизнь такового не запомню, такого не видал и слыхом не слыхал, – говорил один из старейших дво-

---

⁴ ...Воздвиженский монастырь (Крестовоздвиженский) – средневековый московский монастырь, располагавшийся близ нынешнего Арбата и сгоревший в пожаре 1812 г.

рян московских. – Видали мы, что дворяне женятся на своих собственных дворовых девушках или на каких заморских – итальянках и шведках, бывало это всегда из-за чародейства какого, из-за приворота, стало быть, из-за любви. А любовь слепа! Влюбится человек и женится на козе, и та ему коза кажется краше красавицы. А чтобы эдак, с лавочниками венчались русские князья, – не слыхано и не видано.

И Москва дворянская соглашалась с говорившим. Если бы еще молодой князь влюбился в красавицу купчиху и женился бы на ней самокруткой, с побегом из родительского дома, ну, куда ни шло. Но диковинно было то обстоятельство, что молодой князь всего два или три видел эту девицу из купеческого звания. Собой она была очень неказиста, и не сам молодой человек затеял женитьбу, а князь-отец все настроил и уладил. Отважно рассудил и решил он, что чем купец не человек и чем купчиха не невеста для сына. И всех подивил...

– Все глупость и фанаберия дворянская! – сказал он.

Но суть дела была совершенно в ином обстоятельстве, и князь столицу не надул. Дело в том, что у девицы-купчихи был миллион приданого. Отец ее, будучи поставщиком на армию во время последней войны, благодаря покровительству именитого вельможи, приобрел громадный капитал. Князь сам наметил невесту и уговорил сына жениться. Помимо состояния, молодой князь с молодой княгиней могли воспользоваться личным покровительством этого всемо-

гущего покровителя.

– Что ж такое, что она купецкая дочь, – говорил князь сыну, – я – «философ». И тебе советую в жизни твоей смотреть на все так же, как и я смотрю.

– Губа не дура, – говорили в Москве про князя Аникиту Ильича. – Точнее сказать, философия у него не дура.

Теперь молодой князь был очень счастлив, очень доволен своею женьбой. Денег была такая куча, что он не знал, что с ними поделаться. Затеи у него особенных не было никаких, нрава он был смиренного, ленивого, что называется, тюфяк. Не зная, куда девать капиталы молодой жены, князь Егор чуть не каждый месяц покупал в Москве дом и отделявал его заново. От нечего делать его забавляло и занимало присутствовать на строительстве.

Когда князь женился, то многие в Москве стали толковать, что к молодым ездить не надо.

– Надо проучить, чтобы такого никогда не бывало, надо на нем пример показать московскому дворянству, – говорили знакомые князья.

Но те, которые наиболее ратовали против обоих князей Телепневых, первые же и поехали. Теперь, вследствие постоянных обедов и балов и всякого веселья в новом доме князя Егора Телепнева, вся Москва липла к нему, как мухи к меду.

Давно уже все поджидали и день именин князя и очень удивились, когда узнали, что должны ограничиться простым

поздравлением. Ни обеда, как бывало часто, кувертов⁵ на триста, не будет, ни вечера с музыкой и танцами. Была какая-то причина, по которой князь Егор не хотел праздновать. Толковали в городе, что в семье Телепневых приключилось что-то новое, что-то неспроста, что-то затевается или затевалось, да не выгорело.

В доме князя жила его двоюродная тетка-вдова, генеральша Пелагея Ивановна Егузинская и, кроме того, временно гостила родная сестра, княжна Юлия. Эта Юлочка, как звала ее почти вся Москва, пользовалась всеобщей любовью и всеобщим ухаживанием. Она была хорошенькая, как говорится, смазливенькая девочка, маленького роста, кругленькая, веселая и большая хохотунья. Юлочке случалось хохотать до слез без всякой причины. Скажет ей кто-нибудь: «Здравствуйте, княжна, как поживаете?» Юлочка поблагодарит и начнет хохотать без конца.

Главная причина, по которой все были любезны с княжной, заключалась в том, что эта была почти первая невеста в Москве. И прежде считалась она богатейшей приданницей, но с тех пор, что молодой князь женился на миллионщице, в Москве стало известно, что князь все свое состояние делит пополам, и княжна, вместо своей четырнадцатой части, получит ровно половину всего и вдобавок главную богатейшую вотчину отца на старой Калужке.

Юлочке было уже семнадцать лет, и за последний год

---

⁵ ... Куверт – столовый прибор (обычно на парадном обеде).

князь часто отпускал дочь погостить к брату и невестке. Таким образом, последнюю зиму и весну княжна провела в Москве и выезжала с теткой. У брата для нее давались часто балы, и княжна веселилась до упаду.

И вот теперь, в доме на Воздвиженке, накануне именин молодого хозяина, случился казус, который смутил и князя Егора, и его тетку, генеральшу Егузинскую. Молодая княгиня не была смущена только потому, что на нее ничто на свете не действовало. Она относилась ко всему в Божьем мире так спокойно и равнодушно, как если бы была не живой человек, а истукан. Молодая княжна не только не смутилась, не перестала хохотать, но прыгала и летала по всему дому и была совершенно счастлива.

– Юлочка, не юли, – говорила тетка.

– Сестрица, не егози, – говорил ей брат.

И затем родственники прибавляли:

– Неизвестно что еще будет, как посмотрит на все князь-родитель.

Происшествие, занимавшее всех в доме, по случаю которого даже отменен был парадный большой обед и по случаю которого нетерпеливо ждали теперь приезда из деревни князя-отца, было и простое и мудреное вместе. Накануне явилась в дом известная в Москве старая девица, княжна Бахарева, и переговорила серьезно о важном деле со вдовой-генеральшей, а равно и с молодым князем. Она явилась как бы свахой, и, прежде чем порядливо и законно явиться со сва-

товством к ожидаемому из деревни князю Аниките, Бахреева предпочла переговорить с родственниками и как бы сделать рекогносцировку.

– От вашего родителя-философа, – говорила она, – всего ждать можно: с ним никогда не знаешь, за что он приголубит и за что обругает.

Княжна Бахреева явилась сватать временно жившего у нее племянника, которого она очень любила.

IV

Этот приехавший погостить родственник был петербургский офицер Алексей Галкин. Провеселившись в Москве в продолжение зимы, офицер съездил в Петербург, взял вторичный отпуск и снова явился к концу Великого поста и снова танцевал на всех балах.

Молодой человек так хитро и искусно вел свои дела, что никто не заметил, что он влюблен в княжну Юлию, а она равно очень равнодушна к нему. Если бы обоюдная склонность молодых людей была в Москве замечена, то, конечно, все не преминули бы обвинить петербургского офицера в том, что он явился найти в Москве богатую приданницу. Но это суждение было бы несправедливо: молодой Галкин действительно серьезно полюбил княжну, когда еще и не знал о том, что за девушкой огромное приданое. Только за последнее время и молодой князь, и тетка Егузинская стали замечать кое-что и подсмеиваться над Юлочкой, по отношению к офицеру. Княжна отвечала тем же смехом и сама положительно не знала, чем может окончиться ее роман с офицером.

И вдруг в доме молодого князя появилась княжна Бахарева в качестве свахи.

На семейном совещании с генеральшей и с князем Егором Бахарева заявила, что ее любимец Алеша не имеет почти никакого состояния, но фамилию носит дворянскую. А

малый он золотой, смертельно обожает княжну и предлагает ей руку и сердце.

Генеральша заявила, что, по ее мнению, братец-князь в качестве «философа» не обратит внимания ни на бедность будущего зятя, ни на прозвище, напоминающее «некую» птицу. Недаром же он дозволил сыну своему жениться на девице «инога» звания.

Молодой князь недоверчиво отнесся ко всему, слегка по-матывал головой и объяснил Бахреевой совершенно иное:

– Я бы рад, ваш племянник мне очень нравится, человек благовоспитанный, да и хват на все руки: всех наших барышень прельстил. Немудрено, что и сестра к нему стала неравнодушна. Но за батюшку-родителя ответственность не могу. Вам известно, чем он у нас почитается в Москве. Как посмотрит он на сей брак, сказать совершенно вперед ничего нельзя.

От этого совещания пока было только одно последствие. Молодой князь отменил парадный обед, который хотел сделать. Пригласить к обеду молодого человека, уже, так сказать, сделавшего предложение, было неудобно, так как он не получил, собственно, никакого ответа; не пригласить его совсем было бы ему оскорбительно, было бы непременно замечено всеми знакомыми, и сейчас бы догадались, в чем дело: посватался и получил отказ. А эдакого толкования не хотелось самой княжне.

И вот в день именин молодого князя гости приезжали и,

посидев, отъезжали «не солоно хлебавши». Были такие, которые в этот день не заказали обеда у себя на дому, другие отказались ехать в гости. И многие остались в дураках.

Пообедав в кругу близких людей, в том числе с двумя родственниками купцами в длиннополых кафтанах, с бородами, хозяин и гости вышли в небольшой сад перед домом и разбрелись в разные стороны. Генеральша Егузинская и княжна Юлочка остались вдвоем на скамейке под большой липой. Княжна, напрыгавшись накануне, теперь ходила сумрачная и печальная, и тетушке показалось, что племянница за несколько часов уже успела похудеть.

Озабоченная этим, Егузинская подозвала к себе племянницу и уселась с нею побеседовать.

– Ты не кручинься, Юлочка, не с чего, еще неведомо что будет. Братец – такой диковинный человек, что, может быть, обрадуется твоей свадьбе.

– Вот именно, тетушка, этого-то я и боюсь, что на батюшку никто еще никогда не угодил. С ним, правду сказывают, не знаешь, с какой стороны подойти и какой час выбрать. Может, он рад-радехонек будет, а может быть, так разгневется, что со всеми ссору заведет. А меня увезет с собою в вотчину, да и не будет в Москву пускать. И буду я жить с ним как в монастыре.

– Ничего не могу сказать, – развела руками Егузинская. – Никто ничего не может сказать. Когда он твоего братца женил, он против всей Москвы пошел. А теперь, что же, осо-

бенного ничего нету. Алексей Григорьевич малый красивый, добрый, скромный, дворянин, офицер, чего же больше-то?

– Да вот Галкин-то он, – печально произнесла Юлочка.

– Так что ж что Галкин?

– Да мне-то, матушка, ничего, я привыкла, а вот другим-то... Я примечала, как где вечером на балу скажут кому: Галкин, – так иной и усмехнется.

– Эко глупости какие. Такие ли, племянница, прозвища на свете! Мне сказывал мой дедушка, а твой прадед, что когда он был в Хохландии, то о таких прозвищах случалось слышать, что дрожь проберет, а то в пот ударит. Сказывал, был там один полковник с прозвищем Андрей Иваныч «Не марай-ворота», а еще другой был «Убей-собаку», а это что ж – Галкин. Вот у нас в Москве стариннейший дворянин, сама ты его знаешь – господин Собакин.

– Боюсь я, тетушка, – отозвалась княжна, – сдается мне, что батюшка-родитель только разгневается, и ничего не будет. И уж как же я тогда, тетушка, плакать учну, ну просто беда, вот увидите. Вставши с утра и покушав, сяду и начну плакать. И так по целым дням до самого до вечера. Уж так буду плакать, что у меня все лицо распухнет: слепнуть начну, совсем с ног свалюсь, в кровать лягу и умру.

– Что ты, дурашная! Бог с тобой.

– Непременно, тетушка, непременно. Я уж это знаю как, – мне говорили; а уж плакать так буду, что всех перепугаю, и батюшка испугается, уж я знаю как. А то сказывают, можно

глаза перцем натереть – страх что будет.

– Ах ты простота, простота, – рассмеялась генеральша.

К беседовавшим подошел молодой князь и сел тоже на скамейку. Речь зашла, конечно, все о том же, о предложении Галкина.

– По моему рассуждению, – начал молодой князь, – тут добра ждать мудрено, и сейчас я вам, тетушка, и тебе, сестрица, расскажу, почему родитель на все это происшествие посмотрит строго и гневно.

Он поднял левую руку и правую собрался откладывать палец за пальцем, как бы разъясняя дело по пунктам.

Князь Егор отложил один палец и прибавил:

– Первое дело, прозвище женихово... А второе дело – бедность женихова. А третье...

Князь собирался отложить третий палец, когда к скамейке подошел старик дворецкий и, став руки по швам, доложил:

– Ваше сиятельство! Гонец от Калужских ворот примчал. Князь Аникита Ильич вступили в Москву.

В один миг все сидевшие на скамейке вскочили и засуетились. Тотчас было приказано закладывать экипажи, чтобы всем ехать к князю-философу.

V

В тот час, когда в московских церквах благовестили к вечерне, через столицу проехал вереницей целый поезд: тарантас, карета и несколько бричек. Шествие открывали полдюжины верховых конюхов в одинакой одежде с галунами, на великолепных лошадях; за ними в щегольском тарантасе, на тройке удивительно подобранных саврасых лошадей, ехал очень важный с виду человек, обритый по-дворянски, но в каком-то странном, как бы выдуманном кафтане, не то старинном боярском, не то в венгерке. На голове у него был картуз с широким галуном, по которому был выткан шелком герб. Около этого важного проезжего – по званию камердинера – рядом с ним, на сиденье стояла большая, блестящая на солнце серебряная клетка с большим зеленым попугаем. Проезжий придерживал клетку рукой и, по-видимому, обращал большое внимание на своего пернатого соседа. На переднем месте было прилажено в тарантасе нечто вроде низенького столика, а на нем стояла большая шкатулка в кожаном чехле. Она была прикреплена к своему месту ремнями. В этой шкатулке всегда путешествовали большие суммы денег. В ногах проезжего лежал какой-то длинный ящик, чуть-чуть длиннее тарантаса; в нем был десяток чубуков с трубками. Тут же в ногах стояли два ящика, один с табаком, другой, меньшего размера, был наполнен винными ягодами.

За этим тарантасом ехал большой рыдван⁶ ярко-желтый, испещренный позолотой. По кузову, по рессорам, даже по колесам, всюду, где только возможно было приладить металлические украшения, все сияло заново вычищенное. На больших козлах был голубой бархатный чехол с длинной бахромой и толстыми кистями по углам. На чехле ярко сверкал полуаршинный и выпуклый золотой герб с княжеской короной и львами по бокам.

Карета, хотя городская, а не дорожная, очевидно шла издалека, так как была сплошь запылена. Все прохожие останавливались и заглядывались на проезжих, но удивление возбудил не рыдван, а шестерик серебристо-чалых коней. Подобрать шестёрку такого колера было, конечно, результатом нескольких лет забот и поисков. Вдобавок, на конях редкой масти была не черная, а желтая сбруя с бляхами, пряжками, колечками и всякими украшениями из чистого серебра. Серебристые кони с серебристой сбруей производили действительно диковинное впечатление. Вдобавок, лошади, вымуштрованные хорошим кучером, шли какой-то особенной рысью, настолько ровной, правильной и согласной, что вся шестерка казалась каким-то одним насекомым, вроде сороконожки. Этот ровный бег был почти гармоничен. Вряд бы какой кавалерийский взвод мог пройти на парад так, как двигался этот шестерик.

---

⁶ Рыдван – старинная большая карета для дальних поездок, куда впрягалось несколько лошадей.

На запятках рыдвана стояли рядом трое служителей, два скорохода и гайдук посередке. Громадная лохматая шапка гайдука была тоже с золотым гербом.

В этом рыдване сидел полный, краснолицый, обритый человек. В его лице прежде всего поражали чрезвычайно маленькие, серые глаза и особенно толстые губы большого рта. На нем был русский кафтан из темно-лилового бархата, перетянутый простым ремнем, а на голове такая же лиловая шапочка.

Постоянное бессменное выражение его лица было недовольство. Казалось, что у этого человека сейчас случилось что-нибудь крайне неприятное и он обдумывает, как бы выйти из затруднения и повернуть дело в свою пользу. Проезжий был князь Аникита Ильич Телепнев.

Князь был известен Москве своим большим состоянием, своим угрюмым нравом и своим Бог весть когда и за что данным прозвищем: «Филозоф».

Сидя в карете и проезжая всю столицу вдоль, от Калужских ворот до Бутырской заставы, князь Аникита Ильич умышленно опустил глаза и упорно смотрел на кончики своих мягких сафьянных сапожков, почти ни разу не подняв глаз, чтобы взглянуть на Москву. За рыдваном ехал фургон с поклажей, а за ним на тройках двигалось около десяти бричек, где сидели люди. Поезд замыкался дюжиной всадников в таких же кафтанах и шапках, как и передовые.

Прохожие, оглядывая поезд, редко спрашивали других,

кто может быть проезжий. Князя в лицо мало кто знал, так как он почти безвыездно сидел в своей вотчине на Калужке, но зато по коням можно было догадаться: вся Москва знала, что лучшие кони у князя Телепнева, а серебряная шестерка была известна не только в столице, но и в соседних уездах.

Миновав московские улицы, поезд выехал вновь за заставу, на Бутырки.

Когда конные влетели во двор дома, а за ними подкатил рыдван, Финоген Павлыч выбежал на крыльцо, запыхавшись, и дрожащими руками стал помогать князю выйти из экипажа. Одновременно все, что было в доме, в саду и во дворе рабочих, как по мановению жезла волшебника, провалилось сквозь землю. Кто и не кончил работы, все-таки, собрав инструмент, пустился бежать как бы от преследования. В одну минуту все попрятались, кто куда попал.

Князь лениво и неохотно, как бы хворый или привезенный силком, двинулся из кареты и, поддерживаемый лакеями, вошел на крыльцо и в дом.

Финоген Павлыч, свернувшись в какой-то клубочек, приложился к барину, поцеловав его в локоть и в полу кафтана. Князь глянул искоса на управителя дома, которого давно не видал, заставляя сидеть в бутырском доме так же безвыездно, как сидел сам на Калужке. Окинув его сухим взглядом, князь вымолвил едва слышно:

– Постарел, Финоген?

– Да-с, точно так-с, ваше сиятельство, – поспешил согла-

ситься управитель, улыбаясь счастливою улыбкой, как если бы барин сказал ему нечто самое лестное.

– Ну, а я как? – так же отрывисто и негромко произнес князь, приостанавливаясь в передней.

– Ничего-с, совсем ничего-с. Удивительно-с! – отвечал Финоген Павлыч, не зная, что сказать.

– Помолодел?

– Точно так-с; ей-Богу-с.

– Врешь, да божишься. Ты стал гриб червивый, а я и вовсе в мухомора обратился.

И князь прошел в дом, прямо в свой кабинет, сел у отворенного окна и начал глядеть на цветник и столетние развесистые липы трех аллей, расходившихся в разные стороны от дома. И вдруг выражение лица князя Аникиты сменилось другим... Оно перестало быть просто угрюмым, а стало сурово-грустным. Давно не бывал он в этом доме, и теперь эти горницы, этот цветник и эти аллеи напомнили ему несколько знаменательных дней из его прошлой жизни, несколько давно прожитых, но памятных мгновений.

Да, «это» было здесь, давно тому назад. Иногда кажется, что этому уже чуть не пятьдесят или сто лет, а то вдруг кажется, что это было на прошлой неделе. Горько было тогда, а как бы рад он был вернуть это горькое и опять его пережить с тою же болью в сердце.

Князь стал пристально, не сморгнув, смотреть на среднюю аллею, где виднелись два ряда ярко-зеленых, свежавыкра-

шенных садовых скамеек. Двумя вереницами тянулись они по аллее, сливаясь вдаль.

Князь глянул на вторую скамейку. Она была такая же, как и все, но он не обращал внимания на все другие, а упорно глядел на одну эту вторую скамейку. И наконец он тихо про- бурчал себе под нос:

– Доска, глупое дерево! Тоже гниет, но дольше! Люди скорее. Вот ты, глупая доска, все еще тут, на своем месте, а ее давно нету. И меня не будет на свете, а ты, доска, все будешь на своем месте.

И князь вдруг странно улыбнулся язвительной улыбкой и проговорил громче:

– Ну, да все ж таки когда-нибудь и до тебя дело дойдет – один прах останется.

Он поднял вдруг руку и как бы погрозился пальцем этой скамейке.

– Захоти я – в одно мгновение ока и праху не будет! – шепнул он и отошел от окна.

В кабинет явились люди, главный камердинер бережно внес своего спутника, попугая в клетке, затем шел гайдук и нес шкатулку с деньгами, а вслед шли два скорохода с тремя ящиками, где были трубки, табак и винные ягоды. Если бы прибавить теперь в эту горницу известное количество хлеба и воды, то весь мир Божий мог бы провалиться и погибнуть, а князь Аникита Телепнев имел бы около себя все необходимое для жизни и все им любимое. Правда, там бы провали-

лись женатый сын, девица-дочь, богатые вотчины. Зато здесь бы остались – попка с именем Сократ, который для князя в тысячу раз умнее всякого человека, остались бы винные ягоды и табак, приятнее и слаще которых нет ничего на свете. Пожалуй, тут был один лишний предмет, который бы князь с удовольствием выбросил в окошко, – деньги. От денег он во всю свою жизнь, по его выражению, «никакого черта не получил». Единственное, что было в прошлой жизни князя светлого и дорогого, было как на смех недостижимо при помощи денег. Быть может, однако, потому это «нечто» и стало ему более дорогим, даже священным.

VI

В ту минуту, когда князь уселся на кресло и закурил трубку, к нему вошел, по обычаю, за первыми приказами Финоген Павлыч. Повод появления управителя был настолько ясен, что старик молча стал у порога в покорном ожидании.

Молчание длилось несколько мгновений.

Князь опустил глаза в землю, выпустил несколько клубов дыму и наконец вымолвил однозвучно:

– Гонца к князю Егору.

– Слушаю-с, – отозвался управитель.

– Митьке-форейтору ситцу на трое штанов и три рубахи.

А спросить за что – мое дело.

– Слушаюсь, – снова отозвался Финоген Павлыч, но не удивился, так как в числе всадников уже шел говор о том, что Митька, по приезду, будет награжден. Его лихой, застоявшийся конь бил задом и передом, с пеной на боках, в продолжение почти двух верст, но Митька сидел все время как прикрученный к седлу и отвечал коню правильными ударами здоровой нагайки.

Наступила, после второго приказания, пауза. Финоген Павлыч не двигался. Он, как истый холоп, всю жизнь посвятивший служению, если не видел, то чувствовал, что барин еще что-нибудь прикажет, и не простое.

Между тем князь Аникита смотрел в окно, у которого си-

дел и пред которым уходила вдаль средняя аллея, гладкая, широкая, темная, с золотыми пятнами от солнечных лучей, скользнувших на нее сквозь густую листву верхушек лип. И вдруг барин-князь ухмыльнулся так добродушно, что Финоген Павлыч, хотя выдавший его редко, но знавший все-таки близко, удивился и обомлел.

«Уж не мне ли что подарит сейчас», – невольно шевельнулось в старике лакее.

– Подойди сюда, – выговорил князь, – ближе.

«Ну, так и есть, подарит, – подумал Финоген Павлыч, – десять лет все исправно содержи тут и ни единого выговора не получал».

– Гляди вон в аллею. Видишь – скамейки.

Финоген Павлыч затревожился.

– Дурак, есть скамейки в аллее?

– Есть-с.

– Видишь их все?

– Вижу-с, – удивляясь, выговорил управитель.

– Видишь направо скамейки?

– Точно так-с.

– Первую видишь?

– Вижу-с.

– Вторую видишь?

– Вижу-с, – уже начал робеть Финоген Павлыч.

– Ну вот, возьми двух человек с топорами и выруби мне сейчас же эту скамейку. Смотри не промахнись. Вторую, на-

право! Не то я – хоть ты и стар – тебя на почине по приезде высеку. Сруби скамью, принеси вот сюда под окошко и людей с топорами зови сюда же. Понял?

– Точно так-с.

– Ну, сгинь.

Последнее слово было любимым у князя. Он никогда не говорил: уходи, ступай или пошел.

Через минуту верховой был послан гонцом к князю Егору Аникитовичу объявить о приезде князя-родителя. Приезжая ключница уже отправилась в кладовую дома, где, несмотря на отсутствие владельца, было многое множество всякого добра. Здесь ключница отмеривала ситец, чтобы выдать указанное ездовому Митьке. Финоген Павлыч, с трудом разыскав в числе попрятавшихся рабочих двух плотников, уже шел в сад. Князь, завидя в окна фигуры людей, бросил трубку, встал, оперся на подоконник и глядел.

Топоры застучали, вырубая скамейку из земли. Князь улыбался и наконец проворчал:

– Что, голубушка, пережила? Вот эдак бы всех вас...

Последние слова относились, однако, не к скамейкам сада.

Вырубив садовую скамейку, плотники расширили ее на три части, два столба и доску.

– Неси сюда, – крикнул князь в окно. Финоген Павлыч и рабочие рысью двинулись к самому окошку.

– Клади тут, руби все мелко-намелко, чтоб одна щепка бы-

ла.

И снова застучали топоры и долго стучали.

Князь отошел от окна, снова закурил трубку и прислушивался. Наконец стук прекратился. Он снова подошел к окну. Пред рабочими, утиравшими пот с лица, была только большая груда щепы, а над нею стоял, понурившись и разиня рот, Финоген Павлыч и мысленно рассуждал:

«Уж, стало быть, чем-нибудь да провинились. Наш барин все ж таки зря ничего не делает. Провинились. Только удивительно: когда же это было? Ведь он сколько лет не бывал здесь».

Но голос князя разбудил управителя.

– Финоген, лови!

И князь выбросил управителю коробочку спичек.

– Поджигай.

Управитель поспешно исполнил приказание барина. Сухое дерево, вдобавок выкрашенное свежей масляной краской, тотчас запылало. Куча щепы стала гореть с каким-то особенным проворством и даже остервенением.

Князь снова отошел от окна, снова прошелся несколько раз по горнице, изредка приближаясь поглядеть на огонь.

Через полчаса оставались одни угли от костра, а затем вскоре уже был один пепел и большое черное пятно среди желтой дорожки.

– Ребята, – приказал князь, – бери лопаты, перемешай мне все с песком и разбросай по всему цветнику, да так, смотри,

чтобы нигде черного следа не было. Если я увижу где на дорожке уголек – смотри что будет! Чтобы все сгнуло! А пятно черное, вестимо, сейчас засыпать свежим песочком!

Князь, довольный и улыбающийся, перешел в свою спальню, затем пошел обходом по всему старинному дому, принадлежавшему еще его деду. Пройдя несколько больших горниц, он вошел в одну из них, называемую диванной. Здесь, по стенам, в два ряда висели семейные портреты.

Оглянув ряды потускневших лиц – молодых и старых, князей и княгинь Телепневых, хозяин-чудодей вдруг легко рассмеялся. Один из портретов висел задом наперед, лицом к стене и подрамком наружу.

– Ага, дедушка! – выговорил князь. – Все еще упершись носом в стену торчишь. Ну, прости. Я ведь тогда не знал, что столько лет сюда не загляну. Думал тебя на полгода только наказать. Что делать? Видно, такова твоя судьба.

Князь крикнул людей, приказал снять портрет и повесить как следует.

Когда портрет был перевернут и висел на стене так же, как и все прочие, на лице князя выразилось удивление.

– Скажи на милость! – произнес он вслух, – что вышло-то!

Картина оказалась много свежее и светлее, чем все остальные. Другие предки князя затушевались и выглядели как бы из какого-то тумана, а дедушка, провисевший несколько лет лицом к стене, смотрел из ясного фона, радостно улыбаясь. Глаза как живые глядели на князя, а губы смеялись,

как будто дедушка говорил: «Что, брат Аникита, кто кого надул!»

– Ну что ж! – выговорил князь вслух, – пушай так. Стало быть – судьба!

И чудодей тотчас же приказал послать к себе Финогена.

Управитель явился.

– Бывает во дню солнце на этой стене? – спросил князь.

Финоген Павлыч, как часто случалось с ним, не понял вопроса.

– А ведь ты совсем глупеть стал. Тебя придется послать в обученье в степную вотчину на скотный двор.

Затем князь переспросил Финогена Павловича толковее, вразумительнее и узнал, что в весеннее время солнце сильно греет стену, где висят портреты.

– Чуть не во весь день солнышко тут на стенке стоит, ваше сиятельство, – объяснил управитель дома.

– Ну вот, твое солнышко, дураковина, мне всех дедушек и бабушек и сожрало!.. – сумрачно ответил князь. – Гляди, нешто у них прежде такие лица были... Все теперь смотрят будто спросонок... Вон, дедушка Петр Алексеевич, один глядит отважно, потому что десять лет в стену смотрел, а не на твое солнышко... Ну, сгинь, чертова перечница!

Финоген Павлыч выкатился шариком, смущенный и оробевший. Он хорошо понял угрозу насчет скотного двора в степной деревне... Но одно слово князя было для него загадкой. Он никак не мог уразуметь угрожающий смысл вы-

ражения: «твое солнышко».

Князь Аникита Ильич, оставшись один, снова стал смотреть на светлый и лучше других сохранившийся портрет деда Петра Алексеевича.

– За что, бишь, я тебя тогда носом в стену приладил? – стал вспоминать он.

Не тотчас, но вспомнил князь. Однажды, когда «филозоф» гостил у себя в бутырском доме, ему было особенно грустно. По целым дням бродил он без цели по дому и придирался к людям со словами: «Чему радуешься?»

Зайдя в диванную и увидя дедушку, улыбавшегося ему со стены, князь и к нему обратился с этим же сердитым замечанием. Живые люди после слов барина тотчас старались начать смотреть печально... А дедушка не унялся и продолжал улыбаться на князя, даже как будто начал пуще рот разевать.

– Ладно! – выговорил князь. – Я тебя устрою. Тебе сладко жилось на свете... А меня заело. Сытый голодного не разумеет. Тебе и после смерти на живописи весело да смешно. Ну и смейся в стену, а не на меня.

И Аникита Ильич приказал тотчас же повесить портрет задом наперед, а затем, уехав, забыл снять опалу со смешливого деда.

VII

Князю Аниките Телепневу было за шестьдесят лет с небольшим. Детство свое князь провел с отцом и матерью в родовом поместье около Тулы. Князь был единственным сыном и с первых дней своего существования стал идолом, которому поклонялись все, начиная с родных и кончая последним крестьянином в селе. «Князек» был не только первым лицом, но был именно всеобщим кумиром.

Отец его, князь Илья, был человек ограниченный, но чрезвычайно гордый и напыщенный. Он считал свой род одним из самых древних и знатных, но, к его великому горю, ни один из его предков ничем не отличался. Сам он точно так же в люди не вышел. Попав в число приверженцев царевны Софии, он вдруг, к величайшему своему изумлению, увидел, что те лица, которым он поклонялся, от которых всего ожидал, пошли в ссылку или кончали жизнь на плахе. Он немедленно покинул Москву с семьей и остался до конца дней в Тульской вотчине. Здесь после пятнадцатилетнего брака у него родился сын, которого по дню рождения называли Аникитой.

В однообразной, скучной, ничем не наполненной жизни князя Ильи рождение наследника было, конечно, равнозначнее громадному событию. Он стал доволен своею судьбой и счастлив.

Жена его еще счастливее. Жизнь вся была теперь наполнена одним ухаживанием за единственным сыном.

Конечно, князь Аникита, будучи еще в люльке, уже был записан в один из петербургских полков.

Когда из малютки сделался отрок и наконец юноша, то этот юный всеобщий любимец, избалованный до последней степени, вышел юноша-старичок, совершенно недовольный окружающим, брюзга, раздражительный и даже сварливый, несмотря на свои восемнадцать лет.

На основании уверений и убеждений отца, матери, мамки и дворни князек уже года с два как ждал чего-то чрезвычайного, сверхъестественного, что должно произойти с ним. Он ждал, что не нынче завтра, но уж непременно послезавтра, явится к нему и ковер-самолет, и шапка-невидимка, и царевна-красота, и все, что следует за ними. Он ждал, что явится курьер Из Петербурга от императрицы Анны Ивановны и позовет его командовать всеми войсками или заправлять всеми государскими делами в качестве кабинет-министра. Юный князь не мог не верить в это, так как уже давно все окружающие толковали об этом, так сказать, предупреждали его о готовящейся судьбе.

Словом, князь Аникита родился и жил до юношеского возраста в совершенно заколдованном кругу. Много было молодых и старых людей, которые завидовали ему, но сам он тяготился своим положением и настолько был недоволен своею судьбой, что это отражалось даже на его здоровье. У

него была болезненная раздражительность.

И «князек» после этой жизни в вотчине, где поутру все от мала до велика являлись почтительно поздороваться с ним и приложиться к его ручке, должен был отправиться в Петербург и поступить рядовым в Измайловский полк. Молодой человек поехал один, вперед, с дядькой, а вслед за ним должны были прибыть отец с матерью, чтобы поселиться в столице ради сына. Но для старика подобное переселение было, однако, довольно мудрено. Надо было прежде всего отыскать в Петербурге большой дом, купить его, отделать и устроить. Разве мог князь Телепнев, как какой-нибудь простой дворянин, нанять квартиру для себя, семьи и дворни.

Молодой человек прибыл в столицу, поступил в полк и устроился временно на большой квартире с дядькой и с дюжиной дворовых лакеев.

Через шесть месяцев пришло известие, что его отец внезапно скончался, а мать настолько поражена горем, что почти лишилась языка. Во всяком случае, вдова уже не могла и думать ехать на жительство в Петербург «на свою седьмую часть».

Молодой князь, наследник большого состояния, принял известие по-своему. Уже теперь, в девятнадцать лет, сказывалось в нем черствое, каменное сердце. Когда вслед за горестным известием явился к нему в Петербург управитель всех имений для получения личных приказаний, то князь заявил, что он будет сам управлять из Петербурга. И пер-

вые же его распоряжения изменили все, перевернули вверх дном все порядки отцовские. Матери своей, которая, судя по письмам, была серьезно больна, молодой князь отписал, чтоб она избрала себе другую вотчину для жительства. Причиной этого распоряжения молодой князь выставил то обстоятельство, что в доме, где нет хозяина, бывает всякий беспорядок, всякое упущение и всякое баловство. Опасаясь, чтобы тульская усадьба, в которой много родовых драгоценных вещей, по «бабьей» неосторожности не сгорела, он, во избежание этого предполагаемого пожара, всепочтительнейше предложил матери тотчас переехать в другую вотчину в Калужском наместничестве, где был заброшенный пустой дом.

Вместе с тем князь Аникита, начав получать уже большие суммы денег, скоро был замечен в столице, и в гвардии, и при дворе.

Будучи от природы хитер и дальновиден, князь в несколько месяцев понял ту науку, от которой многое в жизни зависит. Наука эта заключается в точном знании и определении «где раки зимуют». А в эти дни раки зимовали, более чем когда-либо, во дворце всемогущего герцога Бирона⁷ и вообще на стороне немцев.

---

⁷ ...Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) – граф (1730), фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский (1737), в 1740 г. становится регентом России при малолетнем императоре Иване VI, однако вскоре при содействии Миниха был подвергнут аресту и отправлен в ссылку в Тобольскую губернию. При восшествии на престол Елизаветы Бирон был переведен в Ярославль. И только при Екатерине II Бирон смог вернуться в Курляндию.

И сын гордого Рюриковича⁸ прежде всего стал прислужником всякого рода чужеземцев и проходимцев, которыми был полон Петербург.

Вскоре он был уже большим приятелем, своим человеком, в одной немецкой семье, где часто бывал сам герцог. Через несколько месяцев временщик полюбил молодого богача-гвардейца и стал ему протезировать.

Князь тонко и умно, со всех сторон обдумав свое положение, решился предложить руку и сердце молоденькой немочке, которую постоянно ласкал и дарил сам герцог, в шутку именуя дочкой. Рядовому было жениться неловко. Но герцог уладил все... Однажды князь Аникита был неожиданно произведен в сержанты, минуя капральский чин и обходя многих товарищей. Никто не удивился. Огромное состояние, княжеский титул, красивая, сравнительно, наружность и покровительство герцога могли доставить Телепневу прямо прапорщичий чин.

Семья, в которой бывал князь и в которой наконец был объявлен женихом, были очень недавно прибывшие из Курляндии немцы. Кто они были – трудно было сказать. Вероятно, простое бюргерское семейство, явившееся в Россию, чтобы под крылышком герцога сделаться знатным российским родом и сразу получить все – и почести, и знатность, и большие вотчины.

---

⁸ Рюрикович – представитель древних княжеских родов в России, ведущих свое происхождение от самого Рюрика, полуполегендарного основателя Киевской Руси.

Произведенный вновь сержант тотчас же повенчался и, купив дом на Невской перспективе, зажил на славу. В доме этом часто бывали пиры, на которых присутствовал сам всемогущий герцог. Но на этих пирах русского слова никогда не слышал никто. Один лишь немецкий Петербург, и важный и серенький, бывал и угощался у князя Телепнева.

Все это было в конце лета.

Через два или три месяца после свадьбы всемогущий покровитель сержанта Телепнева, исколоченный прикладами преображенцев,⁹ уже увозился в карете из своего дворца под арест. А важная и гордая герцогиня, еще так недавно изображавшая чуть не императрицу на бале князя Телепнева, в одной ночной сорочке попала в сугроб, куда толкнул ее в шею один солдат.

Словом, за это краткое время успела умереть Анна Ивановна, успела сделаться правительницей Анна Леопольдовна¹⁰ и успел сам герцог из регента российского попасть в ссыльные арестанты. Князь Аникита понял, какого маху дал, но он не знал, что это только цветочки, а ягодки будут впереди.

Едва только Бирон слетел с своей высоты, как князь Те-

---

⁹ Преображенцы – офицеры и солдаты основанного Петром I в 1687 г. старейшего полка русской гвардии, получившего свое название во месту формирования – подмосковному селу Преображенскому.

¹⁰ Анна Леопольдовна (1718–1746) – правительница России в 1740–1741 гг. при своем малолетнем сыне – Иване VI, внучка Ивана V. Свергнута вместе с сыном в ноябре 1741 г.

лепнев уже был в близких отношениях с молодым Минихом,¹¹ сыном фельдмаршала и адъютантом малютки императора Ивана.¹²

И вскоре новый удар – Миних тоже арестован и тоже сослан.

Князь Аникита, как и многие другие, окончательно потерялся. Кругом уже начинался какой-то глухой ропот, кто-то грозился. Немцы всех сословий и состояний как бы сомкнули ряды и притихли, чего-то опасаясь. Князь с женой и многочисленную родней тоже присмирел, тоже опасался чего-то. Но ему не приходило на ум на этот раз, где раки собираются зимовать, где нарождается будущая сила и власть.

Родня князя с презрением смеялась, всячески издевалась, когда упоминался Смольный двор или имя жившей в нем цесаревны Елизаветы.¹³

---

¹¹ Миних Христофор Антонович (1683–1767) – русский полководец и государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал (1732), выходец из мелкого северогерманского графства Ольденбург, на русской службе с 1721 г. Был ближайшим соратником фаворита императрицы Анны Иоанновны Бирона. Затем после кончины государыни Миних отправил Бирона в ссылку и стал на недолгое время первым министром. При Елизавете Петровне провел 20 лет в ссылке.

¹² Малютка император Иван – Речь идет об Иване VI Антоновиче (1740–1764), правнуке Петра I, провозглашенном в несколько месяцев от роду императором, за которого правили вначале Бирон, затем мать Анна Леопольдовна. Свергнут гвардией, возведшей на престол Елизавету Петровну. Уже при Екатерине II был убит при попытке офицера Мировича освободить его из постоянного тюремного заключения.

¹³ Цесаревна Елизавета – дочь Петра I Елизавета Петровна, российская императрица (1741–1762).

И вдруг, однажды, на заре в дом князя ворвалась ватага пьяных солдат. Все, что было можно изломать, было изломано, что можно было украсть, было украдено. Многие в доме были избиты, а князь с женой уцелел только потому, что заперся в маленьком чулане, куда вела дверь из-под темной лестницы.

– Что же это! Господи, помилуй! – ужасался он. – Гвардейские солдаты гвардейского же сержанта грабят!

Когда князь Аникита вышел из своего чулана, то узнал такую диковину, от которой ум за разум зайти мог.

Долго не верил он тому, что ему говорили. Да и многое множество лиц в Петербурге и даже повыше поставленных, чем князь Телепнев, тоже не верили ни ушам, ни глазам своим. Правительница с супругом и молодым императором были арестованы. На престоле Российском была императрица «дочь Петрова» – та самая, молодая, красивая и веселая хохотунья, которая проживала на Смольном дворе и над которой так издевалась немецкая родня князя.

Времена эти, которые пережил теперь Телепнев в Петербурге, были действительно диковинными. Какие-то исторические чудеса в решетке!

Не прошло трех месяцев, как измайловский сержант, с немкой-женой, с кучей немцев-родственников, принужден был покинуть Петербург не по собственной воле. Его вежливо попросили, в качестве бывшего любимца герцога Бирона, продать дом и отправляться в какую-либо вотчину. В про-

тивном случае ему грозили отписать в казну дом, а затем и его более близкие к столице имения.

И князь Аникита Ильич вдруг снова очутился в Тульском наместничестве, с молодой женой, которую собственно не любил. Характер князя сразу стал много хуже и мудренее.

Многочисленная немецкая родня понемногу стала покидать вотчину. Хотя и тепло, и сытно жилось ей у родственника-князя, но сам он становился чересчур тяжеловат. Через год князь был уже вдвоем с женой и серьезно подумывал о том, нельзя ли как-нибудь избавиться от жены-немки, с которой он с трудом объяснялся, так как говорил по-немецки плохо, а жена, со времени замужества, выучила только пять русских слов.

На его счастье, княгиня родила дочь, а через несколько дней и мать, и ребенок были на том свете.

Прожив еще года два в одиночестве, князь начал скучать, вымолил себе дозволение перебраться в Москву и заново отделал дом на Бутырской дороге. Здесь князь Аникита снова начал стараться выйти в люди. Оказывалось, что в князе только и есть, только и живо чувство честолюбия. Он не мог примириться с тем, что так глупо начал свою жизненную карьеру. Теперь, со смертью немки-жены, все, им напутанное, как бы распуталось. Можно было начать жить сначала.

VIII

В Москве молодой вдовец и богач был принят в распротертые объятия. Для москвичей он был прежде всего хлебосолом-хозяином, у которого можно было всегда попить, а кроме того, он был и женихом...

Но судьба, очевидно, хотела преследовать князя и посмеяться над ним всячески на все лады. Однажды, на каком-то гулянье, в толпе горожан князь повстречал девушку в простом ситцевом платье, с красным шелковым платком на голове. Девушка поразила князя. Разумеется, для него нетрудно было немедленно справиться, чтоб узнать, кто такая эта незнакомка.

Девушка замечательной красоты, не русского типа и происхождения, была разыскана через два дня. Она оказалась цыганкой из бедной и даже несколько подозрительной семьи. В маленькой лачуге, около Козьего Болота, проживала семья цыгана, который занимался разными темными делами. Жена его вела хозяйство, а его старуха мать, страшная на вид, была гадалка и, как говорили, колдунья. Три сына постоянно бывали в разъездах, тоже по каким-то особым делам. Дочь, известная в околотке своею красотой, оставалась дома и сидела у окошечка от зари до зари, ничего не делая.

Узнав все, князь послал за отцом. Объяснение было короткое: князь желал взять цыганку в свои наложницы, обе-

шая, конечно, золотые горы и все, что угодно: прежде всего – дом и содержание всей семье.

Цыган заявил его сиятельству, что душой бы рад, да мудрено по отношению к своим, к цыганам. Осудят. Но это бы еще ничего, а главное, у дочери, по имени Маюрка, есть жених.

Слушая цыгана, князь только удивлялся. Он думал, что через час цыганка будет привезена к нему в дом, а отец болтал всякое несообразное.

Цыган обещался через два дня побывать снова с ответом, и аккуратно явился. Кратко доложил он князю, что дочь ничего и слышать не хочет, и видеть не желает князя, а желает выйти замуж за своего жениха.

С этого дня у князя явилась новая забота – сломить волю красавицы, которая его пленила.

Возня с семьей цыган продолжалась долго. Денег к отцу перешло много. Семья уже давно жила в просторном красивом доме. Маюрка приезжала к князю в гости, оставалась с ним наедине, пела свои песни, гуляла с ним по саду бутырского дома, но при закате солнца всегда отправлялась домой.

Однажды князь не совладал с своею страстью и задержал девушку насильно, решаясь идти на все... Маюрка была им задержана почти до полуночи. Князь объяснил ей, что надо кончить. И к величайшему своему изумлению, он должен был уступить. Маюрка вынула складной нож из кармана и так просто, так естественно обещала ему зарезаться у него

в кабинете при малейшем насилии, что князь, как и всякий бы на его месте, поверил и отступил.

После этой бурной сцены Маюрка была у князя снова дня через три. Точно так же пошли они, как всегда, гулять по саду и затем уселись вместе на скамейке. На второй скамейке в средней аллее! И здесь в первый раз Маюрка долго и страстно целовала князя и много плакала. На его расспросы, в чем дело, отчего она так ласкова, но вместе с тем так грустна, — Маюрка ничего не отвечала.

— Объясни хоть что-нибудь. Скажи хоть словечко, — умолял князь, тоже чуть не со слезами на глазах.

— Ничего я не скажу! — отзывалась красавица, мотая головой.

Затем она простилась с князем на этой же скамейке. Страстно обняв, она нежно и много целовала его. Тревожное предчувствие невольно закралось в душу князя.

— Ты будто прощаешься совсем! — вымолвил он.

— Что вы! Что вы! Как можно! — возразила она. — Завтра же в эту же пору опять буду.

Но этого «завтра» уже не было!

Прождав Маюрку напрасно целый день, князь, мучимый предчувствием беды, даже не мог лечь спать. Он всю ночь пробродил по дому... Загадочное поведение цыганки, которая прежде никогда не бывала с ним так ласкова, не выходило у него из головы.

Под утро он почти решился на такой поступок, которым,

конечно, смутил бы всю Москву.

Князь Телепнев после внутренней борьбы с самим собой решил жениться на Маюрке и, уехав с ней в вотчину, никогда более не заглядывать в столицу.

– Что мне в этих чертях. Не в них счастье жизни! – говорил он про знакомых москвичей.

Рано утром князь выехал из дому и поехал к Тверским воротам, где при выезде из города поселился цыган с семьей в новом просторном доме, купленном на деньги князя... Дом оказался пуст...

Князь потерялся, чуть не упал в обморок. Он сидел в карете, не имея даже силы что-либо приказать своим лакеям... Люди догадались сами и бросились расспрашивать соседей.

Вести, принесенные ими барину, были ударом, который отозвался на всю жизнь князя.

Оказалось, что семья цыган накануне покинула Москву, уехав куда-то далеко. Кто говорил, в Полтаву, а кто уверял, что за границу, в королевство Польское.

Дом был продан мещанину, содержателю соседнего постоялого двора.

Князь вернулся домой близкий к умопомешательству. Он заперся и бормотал наедине:

– Вот она, любовь! Да! Какая любовь! Да вот... Она... Да... Первая и последняя... А я не знал. Еще вчера не знал. Думал, прихоть... Искать? Где? В России, в Малороссии или в Польше! Половину всего отдам на поиски, но чую, что не

найду. Так должно было все приключиться. Нет мне счастья и удачи. Проклят я при рождении...

Через двое суток явилась в бутырский дом какая-то старая цыганка и все объяснила...

Она явилась по поручению исчезнувшей красавицы, чтобы поведать князю, что Маюрка его любила и век будет любить, что жениха у нее не было и нет. Все это налгал ее отец, который ни за что не хотел, чтобы дочь стала наложницей князя, и даже грозился убить ее в случае неповиновения. Куда уехала вся семья – цыганка не знала. Может, за сто верст, а может, и за тысячу... Она знала только одно, что сама видела: как Маюрка плакала, рекой разливаясь, и взяла страшную клятву со старухи, что она пойдет и скажет князю всю правду.

– Уж лучше бы мне не видеть всего этого! – воскликнул князь. Ах глупые люди! Если б они знали, с какими мыслями собрался я к ним...

Князь заперся в своем бутырском доме и полгода прожил в нем, не пуская к себе никого. Наконец буря улеглась в его сердце, и он решил, что надо вернуться к прежним мечтам, к честолюбивым замыслам.

– Сделаться сановником! Выслужиться!

И князь Телепнев стал хлопотать, чтобы получить гражданский чин и должность товарища наместника. Снова начал он водить хлеб-соль со всею чиновною Москвой и ухаживать за властными людьми. Так прошел в хлопотах целый год и не

принес ничего. Князь Телепнев узнал, что, пока здравствует императрица Елизавета Петровна, ему нечего и пробовать.

– Вы в Питере на архинемецком счету! – заявили князю.

Несчастье в любви и полная неудача в честолюбивых мечтаниях еще более ожесточили сердце князя. Он был, по его убеждению, несправедливо обойден судьбой и глубоко оскорблен людьми. Виноват без вины! У него было все, чему люди завидуют, за исключением того, чего сам он хотел. Он отдал бы все состояние и свое древнее имя или за Мажорку-жену, или за высокое положение по службе. Ни то, ни другое не далось...

И князь Аникита Телепнев возненавидел общество, в котором не мог занять то место, которое бы желал.

– Не хочу я жить в Москве простым князем и дворянином. Этого добра здесь и без меня много! – решил он.

Уехав из столицы на время в ближайшую свою вотчину по Калужской дороге, князь так и застрял в ней, лишь изредка бывая в Москве на короткое время. Первые пятнадцать лет князь прожил один... Но затем, однажды, приехал в Москву с намерением взять в жены «встречную девицу».

Князь нанял квартиру в четыре комнаты, на Варварке,¹⁴ и поселился в ней с двумя людьми, прозываясь дворянином Никитиным... Он стал ходить пешком к службам по разным

---

¹⁴ ...на Варварке. – Варварская, или Варваринская, улица, получившая название от построенной в 1514 г. церкви Св. Варвары, считалась одной из главных улиц старинной Москвы.

храмам, а равно и по гуляньям, высматривая себе «будущую княгиню». При этом князь решил, что возьмет в жены ту девицу из дворянок, которая, при встрече с ним в храме или на гулянье, первая заговорит с ним о чем бы то ни было...

Более месяца прошло, а ничего подобного не случилось. Да и мудрено было, чтобы подобная затея осуществилась. С какой стати заговорит вдруг с незнакомым девушка-дворянка.

Наконец однажды желанное случилось. Князь выходил из прихода после всенощной, и в толпе, на паперти услышал голос за своею спиной:

– Хорошо это нешто – с добрыми людьми не здороваться!

Разумеется, он не обратил внимания на слова шедшей за ним, хотя девичий голосок понравился ему своим ласковым звуком.

Тогда рука легла ему на плечо, и тот же голосок проговорил:

– Вишь как в себя ушли – и не слышите.

Князь обернулся. За ним была хорошенькая, черноволосая девушка, со вздернутым носиком и веселыми черными глазками.

– Ах, извините... – вымолвила девушка, страшно оторопев и прижимаясь к шедшей около нее старухе, нечто вроде няньки.

– Вы ошиблись... – выговорил князь, робея от случая и глядя во все глаза на незнакомку.

«Неужели это – моя жена!» – стукнуло у него на сердце.
– Виновата! – проговорила девушка и отвернулась.

Князь пропустил ее вперед, но пошел сзади и проводил до дому...

Через день он знал, кого судьба посылает ему в жены.

Девушка оказалась круглою сиротой, дворянкой, дочерью капитана, убитого на войне, и жившею из милости у дальней родственницы.

Князь представился и стал бывать в доме бедной дворянки все-таки под именем Никитина и стал ухаживать за Верочкой Безсоновой.

Через месяц девушка-сирота стала княгиней Телепневой и уже была с мужем в вотчине на Калужке.

Новая княгиня оказалась самым тихим существом, какое когда-либо рождалось на свете. Князь не мог быть несчастлив с такою женой, несмотря даже на свой нрав.

За первые семь лет супружества княгиня подарила мужу трех детей. Старший ребенок, сын, умер; вскоре второй, Егор, стал баловнем отца, пока не родилась дочь Юлия.

Через два года после рождения на свет девочки княгиня внезапно скончалась, и князь Аникита снова овдовел.

Дети жили с отцом-нелюдимом в вотчине на Калужке безвыездно и увидели Москву в первый раз, когда князю-сыну минуло уже 18 лет.

Наконец, два года назад, князь явился в столицу снова, чтобы только женить сына на страшной богачке купчихе, и

снова уехал к себе.

Теперь, ради приезда государыни в Москву, он снова решился показаться, да кстати попробовать выдать дочь замуж.

– За какого нового генерала, а то и графа... Их ныне ведь напекли, что блинов об Масленицу!.. – рассуждал философ, обиженный судьбой.

IX

Не прошло часу с приезда князя Аникиты Ильича, как уже к бутырскому дому двигались из города три экипажа четвериками цугом.

В первой карете был молодой князь Егор с женой, во второй – княжна с маленькою, сморщенной фигуркой, по имени Зоя Карловна, постоянно сопровождавшею ее повсюду в качестве гувернантки.

В третьем большом рыдване елизаветинских времен ехала двоюродная сестра, вдова Егузинская.

Разумеется, все родственники могли отлично поместиться в одной карете вместо трех, но не посмели сделать этого, отчасти боясь князя Аникиты Ильича, а отчасти и ради соблюдения парада.

Но главная причина была – опасение получить тотчас же выговор от князя, который считал, что ездить в чужом экипаже – то же самое, что носить чужое платье. Когда двоюродная сестра приехала к нему однажды в Калужскую вотчину вместе с племянником, то старик встретил ее словами:

– Что, сестрица, порасстроилась кармашком? В приживалки попала и в чужих каретах ездить начала.

Что касается до княжны, то философ, отпуская дочь в Москву, строго наказывал ей: при выездах всегда быть в собственном экипаже и в сопровождении Зои Карловны.

Въехав во двор и выйдя на крыльцо, родственники точно так же постарались соблюсти этикет. Прежде всех двинулись во внутренние горницы молодой князь с женой. За ними, обождав минуту, пошла княжна, оставив свою спутницу в столовой. Егузинская задержалась в прихожей, делая вид, что оправляется. Остановившись пред зеркалом, она стала перекалывать на себе дорогую турецкую шаль, полученную еще в приданое и надеваемую только в особо важных случаях.

Люди, бывшие в прихожей, все по очереди подходили здороваться с господами к ручке.

Когда Егузинская переколола шаль, в переднюю вышел камердинер Фаддей – спутник попугая – и точно так же подошел к ручке.

– Ну, что? Как у вас живется? – спросила Егузинская.

– Ничего, ваше превосходительство. Все то же. Схиму, почитай, приняли. Иноками живем.

– Веселитесь от зари до зари? – вымолвила Егузинская, улыбаясь.

– Да уж, матушка! Такое у нас веселье, какое разве на кладбищах бывает. Круглый-то год муха пролетит – слышно.

– Ну, а как князь здоровьем?

– Вот изволите увидеть. Кажется, ничего.

– Ну, а кровь горит?

– С личика как будто еще потемнее стали. Пред самым выездом привозили на Калужку столичного дохтура. Очень

он князя просил, да и я просил, кровь пустить. Но только зря разгневали мы его. «Давай, – сказали ему князь, – вместе! Ты себе пусти пол-лоханки, и я дамся. А эдак-то, братец ты мой, незаконно! Вы-то, говорят ему, коновалы, всех ковыряете да cedите, а сами-то небось свою кровь бережете!» Так ни на чем и покончили.

– Да на голову не жалуется? – спросила Егузинская.

– Жаловаться не жалуется, а ин бывает... Я сам вижу: встанет с утра, малость потемнее; а коли что уронит на пол, кличет. Сам нагнуться боится.

– Нехорошо это, Фаддей.

– Чего же тут хорошего. Вы бы тоже, матушка...

Фаддей хотел что-то добавить, но в эту минуту выглянул из дверей и рысью подбежал к генеральше Финоген Павлыч. Егузинская сейчас же заметила по лицу бутырского управителя, что с ним приключилось что-то горестное. Она видела старика дней за пять пред этим, и он был совершенно доволен и счастлив, ожидая князя.

– Что с тобою, Финоген? – удивилась Егузинская.

– Матушка! Ваше превосходительство. Заступитесь! За всю мою службу, на старости лет, посулено мне на скотный двор идти! Буду скотине служить. Как князь уедет восвояси, так и меня отправят. А чем прогневил, и сам не знаю.

– Да что было-то? – спросила Егузинская.

Финоген Павлыч рассказал все, что уже успело приключиться в доме с приезда князя.

– Двух часов нету, что прибыл, – пробурчала вдова, – а уже начудил! За что же он скамейку-то изрубить да сжечь приказал?

– Кто ж его знает, матушка! А главная сила, что солнышко проглядывает в диванную! В этом я провинился. А что ж я поделаю! Ведь десять лет, матушка! Человек старится! Так как же патрету не портиться? Заступитесь!

– Трудно, Финоген, сам знаешь. Сказать – скажу, так и быть. Братец меня выберанил, да это не беда! Но толку не будет. Отличися чем – простит. Ты знаешь его повадку. Отличись.

– Трудно, матушка! Как же я отличусь? Я бы вот хоть с крыши рад спрыгнуть во дворе. На все нужен тоже случай. А как тут теперь отличишься?

Егузинекая вспомнила, что в разговорах задержалась не в меру в прихожей, и быстрыми шагами двинулась к кабинету князя.

Между тем сын с женой, а затем дочь, по очереди явившиеся в кабинет, подошли к отцу, поцеловались с ним, поцеловали руку и уселись на больших креслах. Князь сделал несколько кратких вопросов о здоровье, о том, когда именно ждут в город царицу, затем заметил, что если не рад видеть поганую Москву, то рад поглядеть на бутырский дом.

– Все-таки молодые годы здесь я прожил! Войдешь сюда, на сердце будто тише станет.

– Вам бы, батюшка, завсегда и жить бы здесь, чем на Ка-

лужке, – заметил сын.

– Пустое болтаешь! – сурово отозвался князь. – Ты все по-старому! Двигаешь языком, не соображая, о чем он у тебя на ветер выщелкивает.

Князь хотел обратиться с вопросом к дочери, но в эту минуту вошла Егузинская.

Князь, встречавший сына, невестку и дочь сидя в кресле, медленно, якобы с трудом, поднялся при виде сестры и сделал два шага вперед. Егузинская поспешила подойти. Они расцеловались трижды.

Князь снова сел. Егузинская собиралась опуститься на ближайшее небольшое кресло, но князь тотчас обернулся к сыну и выговорил:

– Егорушка! Она, я чай, тебе тетка. Можешь побеспокоиться!

Молодой князь вскочил с места, озираясь и не зная, что, собственно, приказывает отец.

– Подай вон большое-то кресло.

Егор и жена его, а за ними и княжна бросились к огромному креслу, стоявшему поодаль, и потащили его.

Пронзительно завизжали несмазанные колеса кресла, десять лет стоявшего спокойно на своем месте. Князь поморщился. Когда все уселись, он обратился шутливо ко вдове-сестре:

– Ну, Пелагея Сиротинишна! Ваше превосходительство! Что подделываешь в первопрестольной Москве? Живется-то

вам тут, поди, содомно и соромно. Замуж не собираешься вторично? Женихов не ловишь?

– Собралась бы, – отвечала Егузинская тем же тоном, видя, что князь хочет шутить, – собралась бы, братец, за какого, за молодого, так лет двадцати.

– Вот как! Так что ж?

– Да не берут молодые-то, а старого сама не хочу! – отшучивалась вдова.

– А ты лови... Соли иному франту на хвост посыпь. К колдунье поди, приворота попроси.

– Был у меня, братец, один жених недавно, да годами своими не подошел, – рассмеялась Егузинская. – Под девяносто ему. Поп венчать не захотел.

Князь тоже засмеялся, но таким сухим, дребезжащим голосом, который был настоящим подражанием визгу колесиков только что подвинутого кресла. Видно было, что и князь лет десять не смеялся; что и ему теперь понадобилась бы своего рода смазка.

– Ну, а ты что, Юла? – обратился князь к дочери, – рада-радехонька, что вынырнула с Калужки! Поди, тут, в Москве, ног под собою и головы на плечах не чаешь! Прыгала много?

– Нет, батюшка.

– Как нет?

– Всего не больше разиков двух в неделю бывали балы.

– А тебе бы всякий день по два?

– Что ж! Это бы хорошо, – отозвалась Юлочка и начала хохотать.

В ту же самую минуту раздался другой хохот, удивительно схожий. На этот раз смеялся попугай. Все обернулись на него.

– Ах! Сократушка! – вскричала княжна, – с тобой-то поздороваться я и забыла!

Юлочка вскочила, побежала к клетке и просунула палец. Попугай тотчас же подставил свою голову, и княжна начала бережно гладить его.

– Не тревожь его, Юлочка: он с дороги – поди, тоже уморился. Он с Фаддеем в тарантасе приехал. Пыль да ветер и птице не в удовольствие. Хотел было с собою в карету поставить, да свиньи-люди осмеют. Сядь-ка вот расскажи мне. Жениха не высмотрела себе в Москве?

При этих словах князя сидевшая пред ним дочь и все остальные как-то встрепнулись, переглянулись, но молчали.

Князь странно кашлянул и затем промычал:

– Должно, я промаху не дал! Видать, что у вас что-то есть. Ну-ка сказывай, дочка, кого высмотрела?

Юлочка взволновалась, вспыхнула и обернулась к тетке, как бы прося помощи.

– Ну, ты сказывай тогда, коли ее стыд берет, – обернулся князь к двоюродной сестре.

Егузинская точно так же заволновалась, задвигала рука-

ми, два раза разевала рот, чтобы сказать что-то, но смолчала.

– Вона как! – произнес князь. – Дело непростое! Ну, а ты, сын, тоже поперхнешься?

Молодой князь улыбнулся и, храбро двинув рукой, собрался отвечать, но, взглянув на тетку, остался с разинутым ртом.

– Тоже застряло в глотке, – пробурчал князь Аникита Ильич, не обращаясь ни к кому.

Х

Наступило неловкое молчание, которое длилось несколько минут.

– Стало быть, вы, чада и домочадцы, – заговорил наконец князь, – изволили тут в первопрестольной начудить, наболванить? Такое у вас тут накувыркалось, что и сказать нельзя? Ловко! Хорош и я гусь, что к вам дочь на побывку отпустил! Юлочка! ты уж не повенчалась ли?

– Как, батюшка?

– Да так! Уж не повенчалась ли с кем?

– Да с кем же-с?

– Не знаю. Тебе знать! С разносчиком, с учителем, с Иваном Непомнящим.

– Что вы, батюшка!

– Да я-то ничего! А вот вы-то все и очень чего! Ты сестру еще не повенчал ни с кем? – язвительно и насмешливо обратился князь к сыну.

– Помилуйте, батюшка, – отозвался князь Егор.

– Отчего же вы все задохлись, когда я стал спрашивать, не выискала ли Юлочка жениха?

– А потому, – вдруг храбро заговорила Егузинская, – потому что вы, братец, верно отгадали. Есть у Юлочки жених, сватается. Сватает его Бахреева. Достоянейшая женщина, – сами ее знаете.

– Как не знать! Бахреева! Достоянейшая! Родную мать на тот свет спровадила, чтобы наследовать. У соседа, мелкопоместного дворянина, полтысячи десятин лесу оттягала судом. Да еще одно хорошенькое дельце за нею есть: какое – я при дочери-девице и сказать не могу. Вы, сестрица, я чай, помните. Как же можно! Достоянейшая!

Наступило молчание.

– Так, стало, – заговорил снова князь, – вот эта самая достоянейшая дама и сватает? Кого ж бы это?

– Своего родственника, племянника, – уже не смело, а слегка раздражительно заговорила Егузинская.

«Была не была! Что ж с ним поделаешь! – думала она про себя. – Хватить сразу! – хуже не будет».

– Коли племянника, а не сына родного, – отозвался князь, – так оно лучше. С соседнего дерева яблоко. Кабы родной сын ее был, так уж прямо бы вперед можно знать, что мерзавец. Ну, а этот-то кто такой? Фельдмаршал?

– Офицер петербургский.

– Очень лестно, – отозвался князь, улыбаясь. – С позументами и при шпорах. На красной подкладке пустые карманы? Лестно! На голове золотой кивер, а во щах вместо крупы – шпареные тараканы! Как же по фамилии?

– Фамилия его... – начала Егузинская и приостановилась, чувствуя, как будто ее заставляют, с фитилем в руке, подойти к громадной пушке и выпалить из нее. Егузинская даже руку подняла, как если бы в самом деле у нее был фитиль.

– Ну-с, что же? – выговорил ожидающий князь. – Такая фамилия мудреная, что десятерым надо вместе враз сказать? Одному-то не под силу.

– Галкин, – выговорила Егузинская.

– Что ж! Прозвище хорошее. Это мои нынешние единственные собеседники. Я у себя, на Калужке, помимо галок, никого не вижу. Зато их – тьма-тьмушая! Поутру как прилетит туча да сядет по деревьям около дома – такая музыка, что хоть танцевать ступай. Одной больше, одной меньше будет на Калужке – это все равно... Ну-тка, Юлия Аникитовна Галкина, когда же мне на свадьбу собираться?

Но хохотунья княжна слишком хорошо знала отца и по голосу его поняла многое. Она вспыхнула, потупилась, но затем лицо ее тотчас же стало бледнеть.

– Славно устроила! – вымолвил князь. – Всего от вас ждал. А все же удивили! Вы бы, сестрица, сами-то за галку вышли, чем племянника ее сватать.

Князь замолчал. Родственники сидели кругом него, потупившись. Никто не хотел начинать разговора. Мертвая тишина наступила в кабинете и, вероятно, продолжалась бы долго, если бы вдруг не появился новый дворецкий и управитель, заменивший уже Финогена Павлыча.

– Генерал-губернатор пожаловал, – доложил он.

Князь быстро поднялся. Все повскакали с мест. На лице старика промелькнуло довольство. Но тотчас же он умышленно насупился и двинулся ровною походкой из кабинета в

парадные горницы. Все последовали за ним. В прихожей уже шумела челядь, и когда князь приблизился к дверям ее, то к нему шел навстречу дряхлый, едва передвигавший ногами старик, московский генерал-губернатор Салтыков.

– Приветствую редкого московского гостя, – дряблым голосом, пришептывая, выговорил Салтыков. – Шутка ли! Сдается, сто годов не видались.

– Зато, ваше сиятельство, и вы пожаловали. Два часа тому въехал я в усадьбу, а правитель судеб московских – уж вот он – приветствует меня. И за эту честь земно кланяюсь я ему. А живи-ка тут князь Телепнев завсегда, так, поди, всемогущий правитель всего бы разика два за десять лет заехал.

– Все такой же! Все такой же, – прошамкал Салтыков. – Что на уме, то и на языке. Нелюдим и пила! Все пилишь! А? Все пилишь людей. И своих, и чужих...

Но князь, не отвечая, подал руку дряхлому старику и повел его в гостиную.

Князь Салтыков, посидев немного у князя, двинулся обратно в Москву, а вскоре после него собрались и дети с теткой. Князь хотел удержать дочь, но княжна заметила, что ей нужно самой собрать все вещи в дом, а к вечеру она явится уже совсем.

– Ну что ж, – отозвался князь, – один лишний раз – не беда. Повидайся последний разок с галкой и простись.

Девушка вздрогнула всем телом от меткого удара. Она действительно ехала обратно в Москву не ради того, чтобы

собрать свои пожитки, а чтоб успеть съездить ко всенощной и там повидаться с возлюбленным.

Княжна потупилась и стояла недвижно.

– Поезжай! – снова выговорил князь. – Говорю тебе: один лишний раз – не беда. Повидай галку. Скажи ей, что она нам совсем не нужна. У нас, скажи, на Калужке – страсть их сколько! Хоть десять десятков в минуту наловить можно.

Старик вернулся в свой кабинет, опустился на кресло и глубоко задумался. Известие, привезенное сестрой и детьми, или, вернее, тайна, которую он выпытал у них, серьезно смутила князя.

«За что девочку зря реветь заставлять? – думалось ему. – Дурафья сестрица! Да и сын-то разиня. Девочка все-таки деревня, хоть и княжна. Первые красные фалды за сердце схватили. Они проморгали. А теперь реветь будет. И нашли же кого! Галку выискали, питерского скакуна. В каждом кармане блоха на аркане. Жених! Для Телепневой княжны?!»

Между тем князь Егор с женой, княжна и Егузинская снова расселись по своим экипажам и выехали со двора. Но, отъехав с полверсты от усадьбы, Егузинская остановила свою карету и следовавший за ней экипаж племянницы и пересаживала девушку к себе.

Едва только княжна была с теткой вместе, как Егузинская проговорила:

– Ты не сердись. Я уже смекнула. Нынче ли, после ли, все одно! Родитель твой ни за что согласья на брак этот не даст.

Или у него свое что есть на уме, или просто выждать хочет.

Княжна ничего не ответила и начала плакать.

– Да ты не плачь! Такое ли в жизни бывает. В жизни бывает такое, что люди топятся, режутся. А любовь что? Тьфу! Это то же, что хворость: нынче ломит, а завтра прошло. А там, гляди, выйдешь за другого какого и рада будешь, что не за Галкина! И то сказать, фамилия для брака – мудреная. Юлия Аникитовна Галкина. Мудрено.

– Нет, тетушка! Я в монастырь пойду.

– Ну, так! Ишь ведь вы! Точно по заученному! «В монастырь!» А повези тебя отец – не то что постригать, а хоть в послушницы, так ты топиться побежишь. А повези он тебя топить, ты бы в монастырь убежала!

До самой Москвы тетка с племянницей говорила все о том же – о неудачном сватовстве. Уже въезжая в Москву, княжна робко проговорила:

– Тетушка! Голубушка! Вы только одно мне сделайте – поедemте ко всенощной к Воскресению Славущему.

Егузинская подумала немного и отозвалась:

– Что ж! Поедем. Поглядите еще разик друг на дружку – беды не будет. Да, кстати, что его томить? Я ему в церкви, обиняком, скажу все, что из сватовства Бахревой вышло. Только помни, Юлочка, не задумай ты самокруткой венчаться! Твой родитель тебя по миру пустит: с ним шутить нельзя. А что я тебе могу оставить по смерти – на это шибко не заживешь. Ты не вздумай, племянница, крутить.

– Что вы, тетушка. Где мне!.. И рада бы, да не сумею...

– То-то... Молодежь шустра, да глупа! Обвенчаться недолго, а жизнь прожить – не поле перейти. А еще говорит-ся: покрутишь – карман натрутишь.

– Как, тоись, натрутишь?

– Карман или мошну надорвешь... Худой карман будет. Обвенчается коли кто самокруткой, то уж от родителей ни приданого, ни наследия не жди, а бедствуй без гроша денег. Я-то, вестимо, тебе свое оставлю во всяком случае. А родитель не простит и лишит и благословения, и иждивения. А небось ведь скажи по совести, толкал тебя Галкин на самокрутку...

– Нет, тетушка, как перед Богом, таких разговоров у нас не было. Он очень тихий, жалостливый. Где ему крутить. Я за эту тишь его и люблю.

И княжна, сморщив вдруг свое хорошенькое лицо, заплакала.

– Полно! Полно! – заговорила Егузинская. – Обожди разливаться. Еще, может, дело твое не стоит слез. Все на свете, волей Божьей, к лучшему потрафляется. И пакость-то всякая, и та якобы, сказывают, к лучшему.

XI

Прапорщик Измайловского полка Алексей Галкин был тем, что в народе зовут: бобыль. Он потерял отца и мать, урожденную Бахрееву, когда ему было только семь лет от роду. Если бы не старый друг отца, судья верхнего земского суда Рязанского наместничества, Повалишин, то молодой дворянин погиб бы с холоду и с голоду. Повалишин взял ребенка к себе на воспитание.

Не имея своих детей, старый холостяк судья обожал вообще детей, и маленький Алеша, круглый сирота, очутился вдруг как у Христа за пазухой. Жили они в Рязани.

Через три года явился к судье посланец от старой девицы Бахреевой, жившей в оренбургских степях в какой-то крепости. Он стал от ее имени требовать отдачи ей племянника на воспитание по праву ближайшего родства.

Повалишин не отдал ребенка внезапно отыскавшейся тетушке, объяснив, что якобы взял его к себе по завещанию покойного друга, его отца.

И мальчик остался у судьи.

Состояния после родных не осталось у ребенка никакого, за исключением кой-какой мебели, коровы и пары лошадей. Все это имущество было продано для уплаты долгов в лавочки и ради расходов по погребению. Двое крепостных холопов, купленных когда-то проездом в Москве, глядели

как волки в лес. Через неделю после смерти безземельного и небогатого барина они бросили барчука и бежали.

У судьи Повалишина был свой маленький домик на главной улице, но имения никакого тоже не было.

Когда приемышу минуло шестнадцать лет, Повалишин кое-как снарядил его на скопленные годами деньги и отправил на службу в Питер, обещая присылать изредка, что можно будет, на прожиток.

Через три года, когда Галкин получил чин капрала, холостяк скончался, завещая приемышу свой домик. Капрал заглазно продал имущество и на вырученные деньги купил лошадь и обмундировался щеголем, а на остальное просуществовал еще три года. Он был в полку самым нуждающимся, дворянином-бедняком. Тем не менее все товарищи любили Алексея Галкина, а богатые из них часто дарили его.

В эту пору появилась из Оренбурга в Москву его тетка, девица Бахреева, и снова начала наводить справки о судьбе и племяннике. Она снова послала гонца в Рязань и, узнав, что добрый человек на том свете, а племянник уже давно капрал гвардии, обрадовалась вдвойне. Лишившийся покровителя племянник должен был с большою охотой, по ее мнению, согласиться на все. Старая девица тотчас написала длинное послание, предлагая, чтобы племянник бросил Петербург и, перейдя гражданским чином в Москву, поселился с нею вместе.

На любезное предложение тетки Галкин отвечал ласковы-

ми письмами, но не согласился на потерю воинского звания. По его мнению, дворянин невоенный был дворянином наполовину. Галкин обещал, однако, приехать погостить, когда получит чин сержанта.

Четыре года прожила Бахреева в Москве, поджидая племянника, и с каждым годом все нетерпеливее. Старой девице, тоже одинокой, без единой родни на белом свете, до страсти хотелось повидать сына сестры, с которою она жила душа в душу лет двадцать пять назад.

Наконец в Москву явился племянник, не только сержант, но прапорщик. Начальство отличило его за ревностную службу...

Алексей Галкин поразил тетку несказанно... Никак не ожидала она увидеть такого племянника. «Ни в сказке сказать, ни пером описать». Вот каков показался измайловец для старой девицы.

Богатырь с виду, высокий и плечистый, а лицом, как девица, белый и румяный. При этом добрый, ласковый, умный, веселый, мастер играть на цимбалах, мастер пасьянс раскладывать. Наконец, к довершению дарований, племянник был такой ловкий танцор, каким в Москве был прежде только один венгерский граф, но и тот уже давно сидел в яме за долги и шулерство.

Старая девица сразу без ума полюбила племянника. Она говорила, что никогда не думала даже, чтобы могли существовать на свете такие молодцы, как ее Алеша.

– Ну, просто Телемак!¹⁵ Да ведь две капли воды – Телемак.

Галкин прожил у тетки полгода, хотя приехал только на месяц. Москва ему полюбилась.

Разумеется, маленькие доходы девицы стали делиться пополам. Если бы Бахреева могла, то отдала бы последний грош племяннику. Впрочем, она почти это и сделала, когда пришлось подновить амуницию Телемака.

С первых же дней появления племянника девица Бахреева, разумеется, стала мечтать женить его на богатой невесте.

Галкин перезнакомился со всею Москвой и стал любимцем всех. Многие отцы семейств, дворяне с достатком, взирали на измайловца как на желанного жениха для дочерей, несмотря на его бедность. Изредка в доме Бахреевой появлялись пожилые женщины, от которых «за версту сватьем пахнет».

Но Галкин на все увещанья тетки жениться сначала только отшучивался, а затем повинился и признался...

Он был уже три месяца влюблен, позарез, в княжну Телепневу.

– Когда? Как? Где?.. – закидала его вопросами перепуганная тетка, как если б он сознался в краже или в убийстве.

Дело было в том, что претендовать на руку дочери Филозофа было крупною дерзостью или бессмыслием.

– Разума ты решился! – воскликнула Бахреева. – Старый

---

¹⁵ ...Телемак (Телемах) – в гомеровском эпосе сын Одиссея, царя Итаки, герой ряда романов классицистического направления.

Аникита принца для дочери искать будет! Королевича Бову! Да она и сама на тебя не взглянет. Ей тоже принц нужен.

Но, к величайшему своему изумлению, Бахреева узнала от племянника, что княжна Телепнева его тоже любит... Он для нее краше всякого Бовы Королевича! Они объяснились во время гулянья на Воробьевых горах и поклялись друг другу умереть, если их разлучат. Так-таки – взять да и умереть.

Бахреева развела руками и стала всякий день разводить руками раз по десяти, приговаривая:

– Мое почтение. Просто мое почтение!

Однако кончилось тем, что тетка обратилась сама в сваху и побывала у князя Егора и у генеральши Егузинской. И дело как будто пошло на лад. Родне княжны тоже нравились бахреевский Телемак. Тетка-генеральша взялась переговорить с двоюродным братцем-философом, хотя собиралась это сделать не с маху, а с некоторою «опаской». И вся полудюжина заинтересованных лиц стала нетерпеливо ждать прибытия князя Аникиты Ильича. И дождалась!..

Впрочем, дождались именно того, чего и следовало ожидать. Философ «дал острастку» всем. Домочадцы покинули бутырский дом, почти радуясь, что еще дешево отделались.

И в этот же день неудачного сватовства, ввечеру, перед папертью Воскресенья Славущего остановилась карета, из которой вышла генеральша Егузинская с племянницей. Они вошли в церковь, полную народом, и тотчас увидели впереди толпы богатыря, головой выше всех. При виде вошедших

дам, ставших невдалеке от него, он низко поклонился им.

Это был, конечно, Галкин. Только раз переглянулся он с предметом своей страсти, только раз глянул на генеральшу-тетку – и тотчас лицо его потемнело. Он понурился и тяжело вздохнул. Или предчувствие худого шевельнулось в нем, или прямо по этим лицам он понял, что все надежды потеряны. Он уже знал, разумеется, что в этот день старик князь приехал, что дочь и генеральша уже побывали там.

«Неужели так-таки конец всему?» – подумал он.

И всю долго длившуюся всюнощную офицер стоял истуканом, ни разу не перекрестившись, изредка взглядывая на княжну, стоявшую в нескольких шагах от него. Два раза, когда глаза их встретились, слезы показались на бледном лице княжны. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы молодой человек окончательно убедился в роковом последствии его сватовства.

Когда всюнощная кончилась и народ двинулся из церкви, Егузинская приблизилась к Галкину. Он быстро подошел к ручке.

– Алексей Григорьевич! – прямо заговорила генеральша. – Ваша почтенная тетушка сделала нам недавно честь, побывав у нас по известному обстоятельству. Сегодня я виделась с моим братцем-князем. Я не хочу больше оставлять вас в сомнении. И хотя я поступаю противно обычаю, но прямо сказываю вам, что коли вы собирались отъезжать в Питер, то и поезжайте с Богом. Желаем мы вам с племянни-

цей доброго пути и всего хорошего. Дай Бог вам счастья и всякой удачи.

Молодой человек снова поцеловал протянутую руку, быстро обернулся на княжну и впился в нее глазами на мгновение. Княжна залилась слезами и поспешила за выходящей теткой.

Офицер двинулся в противоположную сторону, к алтарю и, подойдя к причетнику, выговорил глухим голосом:

– Попросите батюшку молебен Божией Матери.

Причетник удивленно взглянул на офицера.

– Как же, помилуйте-с. Ночью-то?

– Разве нельзя?

– Неловко-с... Божией Матери? Конечно, оно бы... Это точно-с... Пожалуйте лучше завтра. Ночью неловко-с. А коли прикажете, я батюшке доложу.

– Нет, не надо, – махнул рукой офицер и быстро пошел из церкви.

XII

Вернувшись домой, то есть к своей тетке Бахреевой, у которой он жил, Галкин тотчас с горечью передал ей о результате их сватовства. Простая и сердечная женщина была сильно взволнована этим известием. Она почему-то надеялась, что женитьба племянника сладится, а этот блестящий брак должен был повлиять и на ее собственное положение в Москве.

Бахреева жила уже на остатки своего, когда-то порядочного, состояния. Если бы родной племянник женился на такой богатой приданнице, то, конечно, он стал бы и ей помогать. Стоило только взглянуть на Галкина, чтобы убедиться, насколько он совестливый, добрый и славный малый. Для Бахреевой не было сомнения, что племянник, сделавшись вдруг московским богачом, всегда бы оставался признателен своей тетушке-свахе.

При известии об отказе едва лишь прибывшего князя Бахреева рассердилась и начала бранить Егузинскую, молодого князя и отчасти княжну.

– Как же можно было, – рассуждала она, – эдак бухнуть! Аникита Ильич приехал сегодня в сумерки, а теперь только что отошла всенощная. Когда же они успели ему объявить про твое сватовство. Как же можно в эдаком важном деле да эдак поступить! Что же они – совсем полоумные! Ну, вот

отказ и вышел! Если б это знать, я бы, обождав, сама к нему поехала.

И постепенно Бахреева пришла к заключению, что ей непременно нужно поехать самой к князю и лично сделать ему предложение от имени племянника.

– Ничего не будет, тетушка, – заявил Галкин.

– Ничего так ничего, а хуже не будет, – решила старая девица. – Нет, голубчик, взялась я за гуж, так уж буду тянуть, пока он не треснет либо я надорвусь. Вот как надо на свете. Завтра же после полудня разоденусь в пух и прах, достану мое гродетуровое платье, большую шаль, что мне твой отец из Молдавии привез, и поеду. Откажет мне Телепнев, уж истинный телепень, ну, делать нечего. А я с ним буду говорить не так, как они! Я ему все распишу. Ты вон затрудняешься своею фамилией, а, по-моему, она ничем не хуже фамилии Телепнева. Уж лучше быть, по-моему, галкой, чем быть телепнем. Так это ему и скажу в глаза.

Офицер противоречил тетушке, уверяя, что поездка не будет иметь никакого успеха, но, конечно, не настаивал, рассуждая одинаково, что «хуже не будет».

– Одного я опасаюсь, – говорила Бахреева. – Прозывают его философом. А я не знаю, что это значит. Ты не знаешь, племянник, тоже. Хоть бы завтра спросить кого, прежде чем к нему отправляться.

– Философ, по-моему, бирюк! – решил офицер.

До поздней ночи пробеседовали, волнуясь и мечтая, ста-

рая девица и племянник.

Наутро проснувшись и вспомнив все, что было накануне, молодой человек долго думал о своем положении. И к собственному удивлению, он почувствовал вдруг, что сердце его больно замирает, сжимается, а по его лицу текут слезы.

«Как баба разревелся», – подумал он.

И Галкин долго на все лады размышлял. Конечно, княжна Телепнева не выходила у него из головы. Он спрашивал себя: действительно ли он любит ее, скоро ли и легко ли забудет? И молодой человек отвечал себе, что, по всей вероятности, он долго останется под властью своего чувства, которое было первым в его жизни. Что нравилось ему в веселой хохотушке-княжне, он сказать не мог. Зато он хорошо помнил и знал, что княжна сильно понравилась ему, когда он еще и понятия не имел о том, что она – первая невеста в Москве по своему приданому.

И только теперь вполне ясно и сильно почувствовал Галкин удар, вчера им полученный. Отказ князя, хотя и поразил его вчера, ударил в сердце, но все-таки не представлялся ему таким роковым, как сегодня.

– Нет, – решил вдруг офицер. – Что уж тут! Либо это, либо ничего. Поеду в Питер и что-нибудь над собою совершу. Не будь у меня кое-каких дел и долгов в полку, сейчас же бы порешил с собою.

Не надеясь нисколько на успех визита тетки к князю, Галкин стал думать о своем немедленном отъезде в Петербург.

Более всего озабочивало офицера, куда девать лошадь верховую, купленную им в Москве. Он решился тотчас же ехать к одному офицеру, с которым подружился за свое пребывание. Найдя приятеля дома, Галкин условился с ним взять и бережно содержать лошадь впредь до его возвращения.

– А если не вернусь, – сказал он, – или узнаете, что со мною что приключилось, то возьмите коня себе от меня на память. Но обещайте мне, вместо уплаты, обращаться с ним любовно. Скотина хорошая! Незнакомых задом хлещет. Но вы поскорее спознакомьтесь поближе, – грустно пошутил он. – Скотина понятливая, живо поймет, что вы новый хозяин. А до тех пор к хвосту – ни Боже мой! Убьет как из пушки.

Вернувшись домой, Галкин узнал, что тетка Бахреева с час назад выехала в бутырскую усадьбу. Сердце екнуло в офицере. А вдруг... Да, вдруг князь гнев на милость положит.

«Да, вот пока я здесь стою, они там объясняются, разговаривают, – подумал Галкин. – Князь мудрит и злоязыничает над доброю тетушкой, ломается да бахвалится; говорит небось, что я на его деньги глаза закидываю. Не знает того, что будь его Юлочка совсем низкая, то я бы ее все одно сейчас бы за себя взял».

И молодой человек начал ходить по всему дому, из горницы в горницу, в ожидании тетки.

Несмотря на то, что он всячески уверял себя, что второе сватовство Бахреевой не приведет ни к чему, тем не менее

он все-таки надеялся и волновался. Каждый раз, что раздавался гром экипажа на улице, он кидался к окошку. Наконец ожидания настолько растревожили его, что он почти не находил себе места.

– Уж поскорей бы приехала с отказом, – вслух говорил он, – легче будет знать, что вторично все пошло прахом, чем эдак выжидать.

Еще раз заслышав лошадиный топот и стук экипажа на мостовой, Галкин взглянул быстро в окно и, слегка ахнув, украдкой перекрестился.

К подъезду подкатил запыленный экипаж Бахреевой.

Галкин бросился через все комнаты вниз по лестнице, выскочил на подъезд и принял тетушку на руки почти из дверей экипажа. Он взглянул ей в лицо и потупился. Спрашивать было нечего. Все пропало... Даже хуже...

Бахреева, ни слова не говоря, но особенно быстро, как бы в крайнем спехе, поднялась по лестнице и почти вбежала к себе в гостиную. Племянник немедленно, боязливой походкой явился вслед за нею и стал, изумляясь, пред креслом, где уселась старая девица.

У Бахреевой глаза прыгали и все лицо будто передергивало.

– Что ж не спросишь ничего? – выговорила она не своим голосом.

– Что ж спрашивать, тетушка! Спрашивать нечего. А простите за то, что я вас подвожу второй раз. Ответ я вижу, как

по писаному, на лице вашем.

– Да ты знаешь ли, что было-то? Как было все? Ведь его бы следовало теперь, будь у меня какой важный покровитель, исколотить. Ведь он накуражился, насмеялся надо мною! Ты знаешь ли, что он измыслил? Что учинил?!

– Издевался, тетушка. Надо было это заранее...

– Слушай. Приехала я и велела о себе доложить: что-де, мол, Бахреева. Лакей вернулся и спрашивает от имени князя, что-де мне нужно. Я отвечаю: доложи, приехала госпожа Бахреева, дочь полковника, по делу. Ворочается он опять и сказывает от князя: дел, мол, промеж-де нас с вами быть никаких-де не может. Я обозлилась. Посылаю опять. Скажи, что невежливо так-де поступать с дамой: приехала с делом и желаю князя видеть, чтобы переговорить, как следует.

Бахреева передохнула и продолжала:

– Ну, сижу, жду. Пришел опять человек и говорит: пожалуйте. Вошла я в столовую, встречает меня господин – важный такой, голову задрал, кланяется издали, не то что к ручке не подходит, как подобает, к даме, а даже и не протягивает. Вам, говорит, по делу объясниться нужно? Да-с, говорю, по очень важному делу. Пожалуйте, говорит. Пошел вперед, а я за ним. Тоже невежество! Пришли мы в гостиную, просит он меня садиться, а сам стоит. Я говорю: что ж вы изволите стоять? Отвечает: не извольте, сударыня, беспокоиться. Присядьте и объясните дело. Ну, вот, я все и начала объяснять. Говорю, что, мол, я, в качестве свахи твоей, хотя и род-

стенница, говорила уже прежде с молодым князем и с генеральшей Егужинской, а теперь пожелала-де лично объяснить все дело. Долго я это все чувствительно и толково описывала. Все, как говорится, грибочки в одну корзиночку убрала. Он все стоял истуканом и слушал, но с таким ласковым лицом...

– Ласковым? – перебил наконец Галкин.

– Да. Да ты слушай! Мерзость-то какая! Когда я все благоприлично, по-семейному рассказала: и о твоей любви, и о том, что ты – человек совсем небогатый, но не жадный, и о том, что я твою мать любила и тебя за сына родного почитаю, ну и все такое... Тогда он на это вдруг мне и сказывает: так-с, говорит, я все и доложу князю самому! Я, голубчик, ошалела, потом разгорелась, а потом опять совсем опешила. Да вы-то кто же? – говорю. Стало, вы не князь? Нет-с, говорит, помилуйте-с, я – княжеский главный камердинер Фаддей.

– Что? – вскрикнул Галкин.

– Да! То! То! Вот что! – снова обозлилась Бахреева. – То самое, что я сказала, а ты слышал, да понял.

– Да что же это, – взбесился Галкин. – Ведь это неслыханный афронт!

– А вот как там знаешь суди, племянничек. Выслал просто он мне своего холопа. А что ж! На лбу-то разве написано, что он не князь? Холоп-то такой, что почище иного князя из татар. Одну голову держит так, как если б у него все российские регалии на груди были. Кабы я князя когда видела.

А то ведь его, старого черта, сколько уж лет никто в Москве не видал.

– Так что ж вы ему сказали, тетушка?

– Что! Я встала и говорю: «Как ты смеешь, хам эдакий, со мною лицедействовать! Тебя бы за это на конюшне следовало отодрать». А он сказывает: «Помилуйте, сударыня, меня барин-князь послал объяснить. Коли-де виноват в чем, ну и выпорют, но все-таки князь, а не вы». – «Зачем же, хам, ломался», – говорю я. «Я-де никак, говорит, не ломался». – «Чего ты из себя-де князя корчил?» – «Я, говорит, не корчил, а если-де вы меня за холопа не приняли, тем для меня наипаче-де лестно». Ну, вот, племянник, тут и рассуди!

– Стало быть, вы князя и не видели?

Бахреева махнула рукой, отвернулась и начала сердито сморкаться.

– Следовало бы его проучить, – выговорил Галкин как бы себе самому и, волнуясь, зашагал по горнице. – Мне, молодому офицеру, старика – дворянина и князя учить не приходится, а хорошо, кабы его проучил кто из старших.

Через несколько минут молодой человек подошел к тетке, опустился на колени перед ней и, взяв ее обе руки, несколько раз поцеловал их.

– Не гневайтесь, тетушка! Простите, что из-за меня себя в обиду подвели. Не надо было к этому лешему ездить.

Бахреева от ласки племянника и его голоса сразу смягчилась сердцем и начала плакать.

И в тот же вечер, часов около семи, молодой человек уже прощался с теткой. Оба плакали. Затем Галкин сел в тележку, запряженную парой почтовых лошадей, уместился на чемодане, в котором было все его имущество, и тележка двинулась рысцой по Москве.

XIII

Бахреева, проводив своего злополучного Телемака, тотчас выехала и в один вечер побывала в четырех домах, где было много гостей... Поездка была, стало быть, удачная и цель достигнута вполне.

Дело в том, что старая девица решила несколько дней подряд «трезвонить» по Москве о неслыханно дерзкой выходке князя-философа.

Выслать вместо самого себя своего холопа для объяснения с дворянкой, да еще по поводу сватовства, показалось действительно всем знакомым Бахреевой великим афронтом для всего дворянства.

– Что же Философ думает? Выше он всех московских дворян?

– Завтра он позовет обедать, а на его хозяйском месте будет сидеть и всех угощать его Фаддей.

– Хорошо, кабы гордеца проучил кто-нибудь. Ошалел он, сидьмя сидя, как филин, на своей Калужке. Зазнался не в меру, водясь только со своими крепостными и не видя никого себе равного...

Так заговорила Москва. Таков был отголосок «трезвона» девицы Бахреевой.

Между тем ее племянник, около полуночи, был уже верст за сорок от столицы и, чувствуя себя нехорошо, решил далее

не ехать, а переночевать. В первой же большой деревне Галкин стал опрашивать, где можно найти ночлег. Два мужика, один за другим, отвечали одно и то же:

– Вестимо, у Карпа. Где же больше.

Третий попавшийся под руку парень вызвался проводить проезжего и объяснил:

– Уж так давно завелось. Все запоздавшие у Карпа стоят, чтобы в Москву днем въехать. А то, бывает, приключится что на пути: ось пополам, лошадь раскуется, так всегда у Карпа все чинятся и справляются.

«Ну и слава Создателю, что нашлось местечко отдохнуть, – подумал Галкин. – Так неможется, будто хворость какая подкралась».

Дом оказался небольшою избой, но нечто, что увидел еще издали Галкин, обнадежило его. В окнах сиял свет. «Если крестьянин жжет сальную свечу, а не лучину, стало быть, и живет изрядно».

Действительно, горницы, в которые вошел офицер, оказались совершенно опрятными. Рослый и умный мужик так принял офицера и так заговорил с ним, что видно было по всему, насколько часто приходилось хозяину видаться со всякого рода проезжими.

– Пожалуйте, – заговорил он. – У меня завсегда господа останавливаются. Я живу не по-свински. У меня, за десять лет, ни единого таракана не бывало, потому, собственно, что я их не люблю очень. Да и проезжие не жалуют. Мало вам

одной горницы, берите две, а плата за ночь неразорительная – сколько Бог на душу положит.

Если бы Галкин был в другом настроении духа, то, конечно, вступил бы в беседу с умным стариком. Но ему было не до того. Он велел внести свой чемодан в горницу, сел на лавку к столу и попросил дать чего-нибудь поесть.

Через несколько минут молодая батрачка поставила перед Галкиным творогу, кринку молока и горшок каши. Офицер не чувствовал себя голодным, но ему хотелось занять себя чем-нибудь, чтоб оторваться от нескончаемых тягостных мыслей.

Не прошло получаса, как послышалось вдали, на деревне, что-то удивительное и необычайное. Галкин прислушался и понял, что это просто бубенцы и колокольчики. Но он все-таки недоумевал: звон и звяканье были слишком громки и сильны. Казалось, что звучат сотни бубенцов, десятки колокольчиков. Стало быть, целый поезд!..

И действительно, через несколько мгновений Галкин убедился, что он не ошибся. Среди слободы слышался топот лошадей, стук экипажей и громкое, оглушительное позвякивание и бренчанье. В деревню въехала целая вереница экипажей, чуть не десяток.

Галкин взглянул в окно и, среди темноты ночи, разглядел целый ряд экипажных фонарей. Впереди всего поезда скакал верхом всадник с факелом в руке, который, очевидно, только что потух – не горел, а лишь курился и дымил.

«Сановный проезжий, – подумал Галкин. – Да что же мудреного в теперешнее время, когда в Москву обещалась быть царица».

И офицер только теперь вспомнил, что на дороге, по которой он пустился теперь в путь, он может встретить бесконечное количество важных вельмож и сановников. Даже легко может он встретить и самоё императрицу, которую со дня на день ожидают в столицу.

«Плохое я выбрал время ехать, – подумал он. – Лошадей нигде не будет, да и как раз на какую беду нарвешься. Окажешься виноватым тем, что подвернулся под руку какому-нибудь царьку».

Все экипажи проехали мимо, но вдруг стали, и их было так много, что последний из них остановился почти против избы, занимаемой Галкиным.

И Бог весть почему, проезжий сановник с его пышностью странно подействовал на Галкина. В другое время он отнесся бы к этому совершенно просто, теперь же все раздражало его.

«Да, вот эдакий леший, – рассуждал Галкин мысленно, – будь он только холостой, – а старый ли, молодой ли, все равно, – посватался бы за Юлочку, так князь бы кувырком кататься начал от радости. Все на свете от иждивения и алтын зависит. Будь я богат, так каким бы вельможным и именитым всякому представлялся! И моя фамилия никому бы смешною не показалась. Вот этот, какой старый черт холо-

стой, завтра повидай княжну, послезавтра сделай Филозофу предложение – и на третий день и венчайся с ней. Хочет она, не хочет – отец-дуболом заставит выходить за постылого».

И вдруг на сердце Галкина поднялась какая-то беспричинная буря, какая-то ненависть ко всему миру. И к этой Москве, из которой он только что выехал, и к этому Петербургу, в который он едет. Ему казалось, что всех этих людей, которые движутся из одной столицы в другую, в бесконечных экипажах, с золотом в шкатулках – всех бы он их... Но молодой человек не закончил своей гнусной мысли, махнул рукой и выговорил горько:

– Эх, полно! Что на ветер лаять! Кабы не мороз – овец до неба дорос! А еще лучше сказать тебе, Алексей Григорьевич, – усмехнулся он, – «бодливой корове Бог рог не дает».

Галкин принялся было за свою кашу, но в эту минуту шум нескольких голосов раздался у самой избы. Галкин прислушался, и вдруг, как если бы кто шепнул ему что на ухо, он выговорил вслух:

– А ведь выгонит, непременно выгонит! Дом-то эдакий один на деревне. Зачем им сюда идти? Гнать идут!

И офицер вдруг страшно обозлился.

В ту же самую минуту отворилась дверь, и Карп, в сопровождении какого-то путника в кафтане с позументами, вошел в горницу. Хозяин был уже не тот степенный и вежливый мужик. Он перешагнул через порог с таким видом, как будто сейчас пробежал десять верст, не переведа духу.

– Ваше благородие, – заговорил он, запыхавшись. – Поскорее! Собирайтесь! Обе горницы нужны!

Галкин не двинулся с места, уперся глазами в обоих вошедших и выговорил глухо:

– Одна горница есть, а двух нету.

– Как же тоись? – выговорил человек по виду скороход или камердинер.

– Да так. Видишь, эта занята мною. А вон другая свободна.

– Что вы! Помилуйте! шутить изволите! – с оттенком недоумения выговорил этот. – Ведь мы не простые какие... Как можно! Мой барин-граф двадцать горниц занял бы, кабы были. Пожалуйте поскорее.

– То-то «кабы были»! – отозвался Галкин, ухмыляясь озлобленно. – А вы скажите барину-графу, что одна есть. Хочет – пусть берет, не хочет – не надо.

– Да что вы, Христос с вами! – выступил незнакомец вперед.

– Помилуйте, ваше благородие! – заговорил и Карп. – Вы совсем не поняли... Кто, собственно, едет? Ведь едет это сам...

– Нечего мне с вами растабарывать, – крикнул Галкин не слушая. – Убирайтесь к черту! Говорят вам толком, что нет двух комнат. Мною занята эта. А хочет ваш вельможа, так пусть занимает другую.

– Ну, уж это вы напрасно... – выговорил хозяин. – Если

эдак? Я вас и просто силком на улицу вынесу. На руках вынесу...

– Посмотрим, – уж совершенно остервенившись, выговорил офицер.

Он быстро встал с своего места и вытащил из кожаного мешка, который лежал на лавке, пару небольших пистолетов.

«Что ты делаешь? С ума сходишь? – говорил он сам себе, удивляясь собственным поступкам. Но вместе с тем будто какой-то другой человек в нем самом был взбешен до беспамятства и будто подсказывал: – Все одно! Коли топиться собираешься с горя, так что уж тут опасаться. Делай что хочешь, хоть перестреляй всех проезжих. А затем себе пулю в лоб пусти!»

И, положив пистолеты перед собой на стол, Галкин снова сел и насильно проглотил две ложки каши.

И хозяин, и незнакомец постояли несколько мгновений пред ним, молча и недоумевая.

– Да вы поймите, ваше благородие, – заговорил человек с позументами. – Знаете ли вы, собственно, кому горницы сии нужны? Моему барину, его сиятельству...

– Я с тобою, холопом, – перебил его Галкин, – больше разговаривать желания совсем не имею. Пошел отсюда вон! И ты, хозяин... Уходите оба. Одна горница свободная есть, и пусть ее занимает проезжий. А этой я не уступлю! Кажется, совсем понятно! А затем, коли кто мне еще слово лишнее скажет, в того я выпущу катушку свинцовую.

Галкин взял один пистолет в руки, отщелкнул кремь и, хладнокровно поправив пальцем порох на полке, как бы прицелился в стоящих.

Хозяин попятился первый и вышел за дверь, а вслед за ним двинулся и лакей. Но с порога он выговорил дерзко и грозя пальцем:

– Сейчас доложу графу, и мы вас тут, хоть вы и офицер, обучим светскости на всю вашу жизнь!

Какой-то дьявол-искуситель будто толкнул Галкина в руку. Бог весть почему – он после никогда не мог понять – палец его надавил шалнер:¹⁶ раздался гулкой выстрел, и пуля пробила дверь, которую уже притворял камердинер.

Все, что было в сенях, в соседней горнице и на крыльце бросилось бежать, вопя и крича. Галкин сидел за столом. Пред ним вся комната была полна дыму. Он опустил голову и проговорил:

– Что ж ты, одичал, что ли? разума лишился? Что же это? Ведь убить мог. Да и теперь, что будет еще? Ведь офицер, а не посадский какой. По мундиру узнать и найти можно. Что ж творишь-то ты? Господи помилуй! Должно, я в самом деле от всего моего горя разум потерял.

И, бросив разряженный пистолет на стол, Галкин облокотился на стол, закрыл лицо руками и сидел недвижно в каком-то полусне, без сознания окружающего.

– Речка, – повторял он. – Речка! Зачем речка? Далеко реч-

---

¹⁶ ...Шалнер – петли, навески, скрепы.

ка? Да и гадко, ух, как гадко! То ли дело вот эдак! Взял, поставил к виску! По-военному и в одно мгновение...

XIV

Простреленная дверь была выстрелом растворена настежь. Из дома все убежали. Полная тишина воцарилась тут.

Вдали шумели и кричали голоса. Там, на выезде из деревни, в первой карете сидел проезжий сановник, и тот же лакей докладывал барину невероятное приключение.

– Чуть было не убил, ваше сиятельство. Пуля около головы шаркнула в дверь.

Проезжий высунулся в окно кареты и призадумался.

– Да не безумный? – отозвался он наконец на доклад лакея.

– Никак нет-с. Непохоже. Рассуждает порядливо.

– Не пьян ли?

– Помилуйте! Никакого вина с ним нету. Кашу сидит да без масла уписывает, – усмехнулся лакей.

– Сказал ты, кто мы?

– Кажись, сказывал. А подлинно не могу доложить. Помнится, собирались мы с хозяином сказать, да он не давал слова молвить. Знай рвет и мечет. Как рот разинешь, так и крикнет на тебя.

– Чудно! Первый раз со мною эдакое. Отвори дверку.

– Что вы? Куда вы! – фамильярно выговорил лакей.

– Ну, ну, отворяй! Пойду погляжу.

– Что вы! Помилуйте. Как возможно! Убьет ведь. Здесь

дело дорожное и ночное. Убьет да и убежит. Вон и лес недалече.

– А вы-то, олухи, на что же? – выговорил, смеясь, проезжий, вылезая из кареты. – Как же это так? Это совсем срам будет. Меня человек убьет вот зря, а вы его упустите. Хороши гуси!

Целая толпа щегольски одетых люден, обступив проезжего, стала просить не ходить в избу Карпа.

Трудно было разобрать, что это за народ. Одни из них казались дворянами по их одежде, но разговаривали с проезжим с тою же холопскою покорною вежливостью; другие были дворовые люди разных наименований: камердинеры, гайдуки, скороходы, казачки. В числе прочих был тут один диковинный человек, который тоже визгливо упрашивал барина не ходить в избу и притом выражался убийственным российским языком. Несмотря на темноту ночи, видно было, что он много чернее всех остальных. Это был арап. Под его распахнутым плащом виднелся край ярко-красного кафтана, а на ногах такие же красные сапоги.

Галдение свиты, обступившей кругом, все усиливалось.

– Да ну! Молчать! Оглушили! – вдруг вскрикнул сановник и двинулся вперед. Все расступились перед ним.

Проезжий этот не только головой, но почти и плечами выше всех, настоящий богатырь с виду, был одет в бархатный темный кафтан, с ременным поясом, с обыкновенного дорожную шапкой на голове. Он спокойно двинулся к дому

Карпа, но, оглянувшись и увидя за собой целую вереницу своих, крикнул:

– Куда вы-то полезли! Убить может, коли в кучу-то шаркнет, – выговорил он совершенно серьезно. – Ванька, и ты, хозяин, вы одни за мной идите.

И хозяин, и Ванька, по которому уже палил офицер, снова начали было упрашивать барина не ходить, но тот резким восклицанием и крепким бранным словом заставил замолчать обоих.

Поднявшись на крыльцо Карповой избы, он смело шагнул в сени и отсюда глянул в горницу.

За столом сидел, опершись локтями на стол и закрыв лицо руками, такой же богатырь, как и он сам, в поношенном офицерском мундире.

Проезжий тотчас же признал мундир Измайловского полка, и это заметно поразило его. Идя сюда, он предполагал, что имеет дело не с гвардейским офицером.

Он хотел было тотчас же войти в горницу, но, заметив на столе пред сидевшим большой пистолет, приостановился и колебался.

«Долго ли взять да выпалить! – подумал он. – Да в такую тушу, как я, и промахнуться мудрено», – прибавил он шепотом, как бы себе самому.

И, став на пороге горницы, он крикнул добродушно: – Эй! господин офицер! Войти можно?

Галкин пришел в себя, отнял руки от лица и опустил их

на стол.

В этом движении сказалось что-то особенно беспомощное. Проезжий богатырь понял верно это движение, а равно сразу заметил бледное лицо офицера.

– Войти можно? – повторил он.

– Можно, – глухо отозвался Галкин, не глядя.

– У него их два, – шепнул сзади Карп.

– Палить в меня не будешь? – спросил богатырь, уже с участием приглядываясь к незнакомцу.

– Нет, – как-то безучастно и бессмысленно снова отозвался этот.

– Ну и хорошее дело. А то ведь не ровен час и убить можно! – смешливо произнес проезжий, входя в горницу, но все-таки не спуская глаз с рук офицера. Он сел на лавку к столу и сразу ловко опустил руку на пистолет.

– А все лучше я припрячу его! – выговорил он.

– Припрячывайте. А я этот возьму, – выговорил Галкин, доставая другой пистолет, который был у него на коленях.

Но вдруг он прибавил:

– Нет! Что же? Будет!.. Берите и этот...

И он подал ему пистолет.

– Зачем? – отозвался, смеясь, проезжий. – Куда мне разряженный? Я лучше этот приберегу.

– Берите этот. У вас разряженный. Натя. Оба берите. Впрочем, я очухался совсем. Хотите занять обе горницы и меня на улицу выкинуть, занимайте. Довольно. Я и так на-

чудил, осрамился. Я ведь не прохожим какой. Видите, что на мне? Не чуйка!

Галкин поднялся, взял свой мешок и, обращаясь к вошедшему в горницу хозяину, произнес, подавляя вздох:

– Тащи мой чемодан вон да вели лошадей закладывать и меня догонять. А я вперед пешком пойду.

Голос Галкина, его лицо, его блуждающие глаза – все удивило проезжего. Он сразу понял, что с этим офицером недавно случилось что-нибудь особенное. Он, очевидно, не пьян, в своем уме, и только человек душевно расстроенный.

– Нет, стой! – выговорил он. – Я тебя, или вас, господин офицер, не выпущу. Вместе ночуем здесь и побеседуем. Шутка ли! Я должен тут целый час один ужинать. Не с холопами же мне беседовать. В них мне ничего любопытного нет... А вот вы оставайтесь. Я вас угощу. У меня всякое есть с собой. И вино хорошее. Поужинаем, выпьем. А там заляжем спать. Выспимся, завтра вместе в Москву поедем.

– Спасибо вам, – несколько спокойнее выговорил Галкин. – Я не в Москву. Я из Москвы, в полк.

– Ну, разъедемся в разные стороны. А все-таки малость сегодня покалякаем.

– Нет, увольте, – выговорил Галкин вежливее.

По мере того, что приезжий разговаривал с ним, он заметил, что имеет дело действительно с кем-то из крупных вельмож Петербурга. Ему казалось даже, что он видел где-то этого богатыря и что с его лицом, его фигурой связыва-

ется какое-то странное, особенное воспоминание. Если бы ему сказали, что этот человек крайне высокопоставленное лицо, пожалуй даже приближенное к монархине, то Галкин согласился бы тотчас же. Какое-то внутреннее чувство подсказывало офицеру, что самое лучшее поскорее убраться от сановника, особенно после того, что он здесь начудил.

– Нет, избавьте, увольте, – заговорил он несколько конфузливо.

Проезжий встал с места, приблизился к Галкину, положил ему руки на плечи и вымолвил:

– Ну, голубчик, не знаю, как вас звать. Ну, дорогой мой, соколик... Сделай милость. Ну, пожалуйста, ну оставайся! Куда же вам идти? Ночевать негде, ехать в эдакую темь, тащиться будете да в яме заночуете... Да что тут толковать, не пущу я вас. Пожалуйте мешок.

Проезжий взял из рук Галкина мешок, бросил его на лавку и потащил его снова на прежнее место за стол.

Фигура и голос этого человека вдруг так подействовали на офицера, что он смягчился, сконфузился и не знал, что отвечать.

– Как прикажете, – вымолвил он наконец виновато.

– Приказывать не смею, а прошу. Гей, вы! – крикнул проезжий. – Тащи живо ужинать. Мы сейчас тут с вами плотно поедим и выпьем. А затем ты мне, господин стрелок, пояснишь, за что изволишь так палить по проезжим.

Богатырь сбросил с себя шапку, расстегнул ремень и, рас-

пахнув кафтан, уселся за стол, куда уже насильно засадил своего нового знакомого, совершенно такого же богатыря.

XV

Через несколько минут после отданного приказанья горница в Карповом доме преобразилась как бы в сказке. Вереница слуг прошла перед глазами сидящих, и каждый что-нибудь принес. Пред Галкиным, который, смущаясь и раскaiваясь, сидел около проезжего сановника, уже был накрытый скатертью стол, а на нем фарфор, хрусталь, серебро, разные холодные яства и разнородные бутылки вина. Когда все было уставлено, едва помещаясь на столе, сияя и блестя, лакей внес большой канделябр о пяти розовых свечах. Камердинер, по которому стрелял Галкин, остался один в горнице и, став у порога с салфеткой, выговорил шутливым голосом:

– Ле супе леверси!

– Чучело гороховое! – рассмеялся проезжий, весело принимаясь прежде всего за швейцарский сыр.

– Что ж. Опять не так? – отозвался лакей фамильярно. – Ну, так скажем... Ле супе лесерви. А по-моему, «леверси» лучше. Не так, что ли? скажите.

– Скажите. Это, братец, всякий учитель, коему деньги платят – откажется, – отозвался барин. – Так тебя до светопреставления и обучать все одному слову. Убирайся! Мы теперь такую беседу поведем, при которой тебе быть не подобает.

Лакей тотчас вышел тихо, затворив за собою прострелен-

ную дверь, и невольно тряхнул головой, поглядев на дыру.

– Ну-с, господин встречный-поперечный, – заговорил саванник. – Чокнемся! За ваше здравие и путешествие. Кушайте еще и ответствуйте... Как вас звать? По порядку. Имя ваше крестное, так сказать...

– Алексей, – отозвался офицер.

– Что? Вот как! Славно! Ну, а по батюшке?

– Григорьевич...

– Что-о? Что вы? Балуетесь, что ли? – удивился проезжий, откидываясь на лавке и прислоняясь к стене.

– Нет-с. Да что ж вам тут кажется чудесного? Алексей Григорьевич – самое простое наименование.

– Простое-то простое. Да не здесь, при мне, на Московской дороге, в этой избе... Да еще после нашего стрельбища. Чуда нет, а диво есть.

– Виноват, не понимаю...

– А фамилия?

– Галкин.

– Галкин! Час от часу не легче... Тоже птица. Скажи на милость! Вот так финт! Галкин?

– Да-с. Фамилия несколько смешная для других. Но я привык.

– Ничего нет смешного. Мало ли эдаких, так сказать, птичьих фамилий: Воронов, Сорокин, Воробьев, Грачев, хоть бы и Орлов.

– Да-с. Все эти прозвища, конечно, все одно. Только не

Орлов. А уж особенно теперь.

– Почему же это... теперь?

– Потому, что в наши времена проявились графы такие...

Орловы.

– Точно, но ведь они тоже по птице орлу прозываются, как и вы по птице – галке.

– Орел и галка! – рассмеялся Галкин. – Сходствия мало.

– Немного. Но обе – птицы.

– Сказывается, видать, птицу по полету. Уж я бы никак не мог стать графом Галкиным. Смеяться бы стали еще пуще.

– Нет. Перестали бы совсем, дорогой мой, – улыбаясь добродушно, сказал незнакомец. – Вот и с Орловыми было то же. Говорили все, что очень смешно выходит: дворянин Орлов, да вдруг граф... А теперь все привыкли. Да и они-то сами привыкли, что графы... Сдается, будто и родились такими, и никакой перемены не было.

– Нет-с. Сами-то Орловы много изменились, как все сказывают, – заметил Галкин. – Были товарищами в гвардии, каких мало. Золотые парни. А ныне сама гордость. Увидят Орловы радугу на небе – сторонятся или нагибаются, опасаются, шапкой бы не зацепить.

Незнакомец разразился громким и веселым хохотом.

– Это вы так сами надумали? Или слышали? – воскликнул он.

– Слышал. Да, эта притча к ним подходящая. Они страсть как горделивы и самомнительны стали.

– Нахалы! Зазнались!.. Вот что! А вы с ними знаете?

– Нет-с. Даже и не видал никогда.

– И не любопытствовали поглядеть?

– Да зачем же? Что же мне в них любопытного?

– А вот тогда знали бы верно и лично – правду ль про них зависть болтает.

– Так, просто повидать случая не было. А пойди я к ним в Петербург... знакомиться, мол, пришел с вами... Так ведь выгонят.

– Беспременно выгонят! – опять рассмеялся незнакомец. – А хотите, я вас познакомлю с Алексеем Григорьевичем?

– С Орловым?

– Ну, да.

– Очень вам благодарен. На что же он мне?

– Как на что? Пригодится может во всяком деле, по службе, к примеру.

– Нет... Прежде, пожалуй, я бы и рад был, – грустно вымолвил Галкин. – А теперь моя жизнь так обернулась, что я, может быть, до Питера не доеду и пулю себе в голову всажу.

– Вишь стрелок какой... Ну, сказывайте мне теперь... Отчего вы такой горячий и своенравный да гордый? К примеру сказать... Сейчас тут вот пришел лакей проезжего боярина не из последних – просить горницы уступить. А вы по нем из пистолета. Могли убить, и могло вам за это быть нехорошо. Ну-с, как же таким горячкой на свете жить? Вы завсегда

такой?

– Нет-с. Никогда я ничего подобного и во сне не видал, не только не делал... А это все приключилось от московских моих бедствий.

– Каких таких бедствий? В карты проигрались? В Москве, говорят, что ни дом, то азартник живет... Какая же беда? Говорите. Вы мне полюбились, и я вам помогу, чем могу. А могу немало... Так сказать, все могу... Говорите по душе...

– Увольте. Неохота. Это дело не такое, чтобы... чужому человеку, встречному, на дороге сказывать. Хотя я вижу, вы человек богатый, а по видимости, и знатный, но в моем деле вы помочь не можете. Никто не может. Один Господь тут властен.

– И царица помочь бы не могла?

– Ну, это другое дело... Захоти царица, так, пожалуй бы, сейчас повершила все в мою пользу...

– Стало быть, не один же Господь властен в этой вашей беде, а и человеки властны... Царица ведь тоже человек. Ну, вот вы мне поведайте ваше горе. Может быть, я вам помогу.

– Нет-с. Вы не можете. Да и притом, извините меня, но я все-таки еще не имею чести знать, с кем я беседую и чей хлеб ем.

– Как меня, тоись, звать?

– Да-с. Вы не изволили мне себя назвать.

– Зовут меня так же, как и вас. Имя то же и отчество то же. А фамилия тоже по птице, только не по галке. Вот вы и

догадайтесь...

– Вас звать Алексей Григорьевич?

– Да-с. А фамилия по птице.

– Воронов или Сорокин?

– Нет. И не Воробьев, и не... Ну, да что вас пытаться – Орлов

мне имя.

Галкин вытаращил глаза, потом двинулся и конфузливо встал из-за стола.

XVI

Галкин растерялся совершенно и молча с минуту оглядывал незнакомца с головы до ног.

– Ну, баста... А то сглазишь еще, любезнейший... встречный-поперечный, – рассмеялся Орлов добродушно.

– Извините меня, ваше сиятельство, – выговорил Галкин и взялся за мешок. – Я, право, был так расстроен. И не догадался даже спросить... Извините...

– Куда же вы... Нет, голубчик, садись и сиди. Это судьба! Начертано было в книге небес. Вот что! И пальба ваша – судьба! Я, как турки, верю в звезду человека. Вас судьба на меня натолкнула затем, чтобы я в ваше дело впутался... Ну, сказывай теперь графу Орлову, какое такое стряслось горе. Может быть, оно и поправимое. Коли тяжба из-за ябеды – правый суд найдем.

– Нет-с. Какая ябеда. Это дело сердечное...

– Тем лучше. Проще. Садись, стрелок, и рассказывай всю подноготную.

Офицер снова сел за стол. И, взглядевшись внимательнее в лицо Орлова, вспомнил, что он действительно встречал его не раз в Петербурге, но не знал и не любопытствовал узнать, кто этот богатырь.

Галкин был теперь более всего поражен тем веселым добродушием, которое было характерною особенностью лица

Орлова, и той простотой, которая была в его манере говорить и держаться.

Совсем не такими воображал он себе знаменитых любимцев царицы.

После двух-трех бутылок выпитого вина и на повторенные усиленные просьбы Орлова поведать свое горе – офицер решился и рассказал подробно все... Свое пребывание в Москве, любовь, сватовство и гордый отказ князя Телепнева. Офицер рассказал даже невероятный «афронт» князя, выславшего к его тетке своего камердинера.

Орлов слушал все внимательно и только изредка качал головой. Когда Галкин кончил, он вымолвил:

– Слышал я про этого Телепнева... В прошлом году слышал... На него есть узда, но взнудать-то... мне не в силу. Только одна царица это может. Ну, а я, голубчик, государыню беспокоить просьбой о твоём счастье не могу и не стану... Надо нам будет самим как-нибудь... Съезжу я к нему сам. Буду ломать. Может, и уломаю. Почто его Философом-то зовут?

– Уж не знаю, ваше сиятельство. За его удивительный образ действий, что ли. Или за нелюдимство.

– Нелюдим – мизантроп, говорится. А философ – это, стало быть, человек, не обращающий должного внимания на все, что другим людям важно. Иначе я объяснить не могу сего прозвища.

– Должно быть, оно именно так и есть, – заметил Галкин.

– Но выходит, друг любезный, противоречие. Выходит на мой рассудок, что князь Аникита – просто комедиант, глаза отводит добрым людям, прикидывается.

– В чем же, собственно? – удивился Галкин.

Орлов подумал, потом налил два стакана верхом, себе и офицеру, из вновь откупоренной уже второй бутылки кипрского вина.

– Ну-тка! Сразу и враз! – весело произнес он. – Хлопнем за успех того, что мне в голову вдруг полезло. Диковинное! Выпьем, чтобы не опростоволоситься.

Оба выпили вино залпом.

– Эдак я, пожалуй, ваше сиятельство, – заметил Галкин, показывая на бутылки, – пожалуй, нальюсь и из благоприличий выйду.

– И палить опять захочешь, по мне или по моим людям, – рассмеялся Орлов.

– Бог с вами! И поминать не надо. Такое на меня с горя затмение пришло.

– Ты как в вине – умнее или глупее?

– Ей-Богу, не знаю...

– Ну, слушай теперь меня... Коли не поймешь – завтра я еще поясню тебе натошак. Слушай. Коли твой Аникита Телепнев воистину самородный, а не самодельный философ, то он не должен был отказывать тебе в руке своей дочери. Ведь он тебя в глаза не видал, говоришь ты, никогда!

– Ни единого разу.

– Какой-сякой ты молодец – не знает...

– Нет-с...

– Большой ли, махонький, умный ли, глупый, добрый ли, злощий – ничего он не знает.

– Ничего-с.

– Понравиться ты ему лично не мог. И опостылеть тоже не мог. Ни медом, ни горькою редькой стать ему не мог. Так ведь?

– Вестимо. Коли никогда не видались... Да он черт и сви-
нья! Вот что он! – вскрикнул офицер, пьянея, и стукнул ку-
лаком по столу.

– Этого не делай, братец, – усмехнулся Орлов. – Стол, по-
ди, худ, подломится, и все на полу будет, а я без десерта и
без вина. Слушай.

– Простите... Я это... Я пьян...

– Слушай в оба. Аникита Телепнев знает про тебя только
две вещи. Первое, что у тебя нет ни алтына за душой, а вто-
рое, что ты прозываешься по птице галке. Так?

– Да-с... Должно быть... Кружится у меня...

– Ну, вот, стало быть, ему как истинному философу след
был иметь свой собственный суд и рассудить противно тому,
как все люди судят. Для московских родителей, у коих дочь
невеста, – ты бедный жених с глупою фамилией. Поэтому
для Аникиты ты жених отличный, коего лучше не найти.

– Как же так?.. Я пьян! Ни черта... Я ничего, ваше сия-
тельство, не понимаю... – пробормотал офицер.

– А ты помалкивай да слушай, тезка! – вскрикнул Орлов. – Для философа деньги – трын-трава, сор презренный и дурацкий предмет. А прозвище человека – един лишь звук. Пойми! Звук, а не обстоятельство... Стало быть, кому другому, а Аниките, князю Телепневу, философу, бедняга Галкин, коего любит его дочь и кой сам врезался в нее, есть совсем подходящий жених, против коего у него ничего быть не может, по той причине, что он его никогда не видал и судить не может, а будет он по-философски рассуждать, то его рассудок долженствует ему... якобы философу... Стой!.. Уехало!.. Мой тоже рассудок, что долженствует... то по дороге растерял... Да и ты, вижу, ничего, ни бельмеса не смекаешь... Оба мы подгуляли!

– Н-нет... Я все... – глупо отозвался Галкин, хлопая глазами. – Я все... Только ни черта не могу понимать...

– Ну, стало быть, обоим спать пора, – рассмеялся Орлов. – Ты пьянее вина, а я сравнялся с ним. Спать! А завтра я тебе расскажу, как я тебя женю на Телепневой княжне.

Галкин вытаращил глаза. Несмотря на то что голова его кружилась – слова Орлова поразили его.

– Вы что это?.. Как вы жените?.. Вы это, ваше сиятельство... с вина. И я с вина...

– Ладно. Завтра приедешь в Москву – ты сразу поймешь, как увидишь мои подходы к Аниките-философу...

– Я ведь в полк...

– В Москву, а не в полк! В полк после, с молодой женой...

Эй! Ванька! Эй! Родные мои! Не погубите. Раздевайте барина! – закричал Орлов на всю избу.

Люди тотчас же явились гурьбой, одни втащили несколько охапок сена, белье постельное, подушки... Другие принялись быстро убирать все со стола.

– Господину стрелку рядом со мной постилай. Мы с ним тезки и приятели, – смеялся Орлов, раздеваясь.

XVII

На следующий день, около полудня, поезд графа Алексея Григорьевича въезжал в Москву чрез Тверской вал и, миновав заставу, повернул на Никитскую.

Здесь, недалеко от маленькой приходской церкви Вознесенья, близ урочища, именуемого Всполье, весь поезд завернул в ворота и въехал в обширный двор.

Еще не так давно здесь стоял небольшой деревянный дом дворянина Григория Ивановича Орлова, исконного москвича. С той поры прошло лет пятнадцать и много воды утекло... Дворянин Орлов был на том свете, а его сыновья были уже графами Орловыми, и старший из них, граф Иван Григорьевич, никогда не служивший и не выезжавший из Москвы в Питер, жил на том же месте, где он и братья его жили еще детьми... Но теперь о маленьком деревянном домике и помину не было.

На Никитской, в глубине двора, с большим садом кругом, высились каменные боярские палаты с флигелями и службами. И здесь останавливались всегда братья Орловы, когда гостили в Москве.

Сам же граф Иван Григорьевич сделался чуть не первым сановником в Москве, силой, человеком властным, разумеется чрез своих братьев. И хотя он и не имел крупного чина, тем не менее начальствующие лица часто приезжали к нему

с поклоном, постоянно прося при случае «засвидетельствовать их всенижайшее почтение братцу графу Григорию Григорьевичу».

Едва только Москва, чиновная и дворянская, узнала, что граф Алексей Орлов прибыл, как начался нескончаемый ежедневный съезд и разъезд в палатах на Никитской.

Сам Алексей Григорьевич тоже сделал несколько визитов. Всех москвичей, которых он видел, граф озадачил сообщением, что хотя он и приехал в первопрестольную по случаю ожидаемого в ней пребывания монархини, но главным образом явился с благою целью, давно уже содержимую на душе, – жениться на девице-москвичке.

– Кто же эта счастливица? – спрашивали все, озадаченные, что еще ничего не слышали о невесте и о предполагаемом браке графа.

– Сам еще не знаю! – отвечал и изумлял всех Орлов. – Поищу, посмотрю... Времени-то у меня мало. Да авось, Бог даст, успею.

Братья Орловы были давно известны своими затеями, «финтами и коленами» и, казалось, ничем уже никого удивить бы не могли. Поэтому подобная диковинная новость хотя и озадачила всех, но показалась совершенно «орловскою».

– В два дня разыщет невесту, а на третий и обвенчается, – говорили москвичи. – На то он и Орлов.

Разумеется, приезд графа Алексея Григорьевича с наме-

рением жениться – стал происшествием, ибо совсем смутил много московских семей, где были налицо девицы-невесты. На всякого отца семейства напала таинственная тоска днем и бессонница ночью.

– Шутка ли? Наша Машенька или Дашенька. Да вдруг! Ведь и денег-то у него... И сила правительская... Через дочку и я могу... Ах ты, Господи!..

Однако сами московские Машенька и Дашенька хотя и взволновались тоже, но на особый лад. Они сразу только испугались и оставались день-деньской в испуганном состоянии. Некоторым из них, поглупее, новый диковинный жених представлялся даже в виде какого-то страшилища, за которого скрутят родители – не говоря худого слова.

Дошел слух о приезде графа Орлова и о цели этого приезда и до князя-философа... И он заволновался.

«В доме ведь тоже дочь невеста. И чем Юлочка хуже других девиц московских? Собой не дурна, полная, румяная, веселая... По имени и нрав – сущая юла! К тому же старинного дворянского рода. Князя Телепневы почище этих, новопеченных, графов. И самой Москвы-то еще не было, а Телепневы, поди, уже были».

– Да... Обстоятельство изрядное! – говорил сам себе вслух Философ. – Стань вдруг Юлочка графиней Орловой – все потерянное когда-то, благодаря дружеству и водительству с Бироном, – все можно вернуть сразу. Да на что оно теперь нужно, в старости? Ну, все-таки... Чины да регалии

вестимо не нужны... А власть – иное дело...

Видеть вокруг себя москвичей, ползающих на животах, ради протекции при зяте... Это всякого и в восемьдесят и в девяносто лет прельстит. Так сказать, защекочет человека где-то вот, под ложечкой, что ли?..

И хотя князь-философ тайно сердился на самого себя за эти мысли, а думать об этом «изрядном обстоятельстве» не переставал.

Давно ли он, живя в своей вотчине на Калужке, обращался мысленно к своему прошедшему и видел, что вся его жизнь – незадачливая, – пропала ни за грош... Раз сбился на проселок со столбовой дороги, и возврата нет. Сызнова жить не начнешь, утерянного не вернешь – умирай сереньким князем.

«А вот теперь, нечаянно-негаданно... Какая оказия! Вернуть все через Юлочку?!»

Таким образом приезд в Москву графа Орлова наделал более шума, чем когда-либо. Всегда все Орловы, заглянув в первопрестольную на побывку к старшему брату, заставляли немало говорить о себе праздных московских дворян. Но на этот раз и в Благородном собрании, и в частных домах, на обедах и на вечерах было особенно много пересудов и даже споров о том, кто на днях станет в городе силой, человеком власть имущим чрез своего негаданного зятя.

Сам Алексей Григорьевич времени не терял. У него были серьезные дела в городе, конфиденциальные поручения ца-

рицы, разнообразные поручения брата-фаворита, важные и любимые занятия по коневодству... Но вместе с делами явными и тайными он не забывал и дело о выборе себе подруги жизни. Бросив по приезду несколько слов вскользь о своем якобы намерении жениться, он замолчал и более не говорил о невестах и браке. Но зато, приглашенный всякий день на обеды и вечера, постоянно удалялся от мужской компании и каждый раз вмешивался в кружок девиц, в их танцы или игры, участвовал и в «веревочке», и в «жмурках», и в «фантах» и даже однажды попал в круг, изображая мышку. Вряд ли Москва когда видела дотоле или увидит вновь такую мышку, исполинского роста, с Александровскою кавалерией на груди,¹⁷ с шутками и прибаутками – чисто русского ума. Многие из участвующих в этой «кошке и мышке» долго помнили потом – до преклонных лет вспоминали, – как играл с ними, заставляя всех своим добродушно-острым словом смеяться до слез, «один из стаи славных».

Действительно, екатерининские «орлы» были русские люди, каких почти не бывало ни до нее, ни после нее. В их природе, в их разуме и сердце был какой-то особенный размах... Будто ширь и простор их отечества отражались в них, воплощались в них... Эти люди были способны и на спокойное хладнокровие северного жителя, и на огневой порыв, страстность или увлечение уроженца юга. Отсюда являлась их способность изумительная и редкая – мешать дело с бездельем,

---

¹⁷ ...Александровская кавалерия на груди – орденская лента через плечо.

вести государственное предприятие и смехотворную скомо-рошью затею рука об руку. И одно не мешало другому, не противоречило. Что бы диковинное ни сотворили они – современникам казалось, что так и быть должно.

Выстроить новый город в полгода! Завоевать, с маху, целый край, целую страну и поднести царице в ее именины в виде кренделя! Купить и спалить несколько кораблей в иностранном порте, ради иллюминации!.. Побороться с медведем!.. Выпить чуть не ведро сивухи без передышки... А то взять вражью твердыню без единого выстрела, пообещав солдатам на выбор либо сидеть голодом неделю, либо пообедать тотчас в неприятельской крепости.

«На все руки», – говорится по-русски, и говорится верно.

Но ведь надо их «все» иметь от природы. А это тоже особый дар Божий. И посылается он, право, наипаче русскому человеку.

XVIII

Галкин, будучи снова в Москве, собственным глазам не верил, что его судьба так чудно повернулась. Неожиданная и странная встреча с такою личностью, как граф Алексей Орлов, не могла пройти бесследно.

Брат всемогущего фаворита императрицы стал для него фортуной. Отношения, возникшие между вельможей и бедным офицером, были таковы, что часто Галкину не верилось, действительность ли все происшедшее. Ему казалось, что он бредит, казалось, что вдруг он проснется и узнает, что все это был сон, а в действительности – он уже давно в Петербурге и в полку.

Граф относился к нему ласково и дружелюбно и, несмотря на свои дела и хлопоты, был видимо озабочен судьбой своего нового протеже. Тотчас по приезде, через многих своих прихлебателей и прислужников, даже через своих людей, Орлов собрал всякого рода сведения о филозофе и его семье, об его характере, привычках и причудах. Раза два повидавши мельком Галкина, граф сказал:

– Не унывай, дело ладится!

Эти слова доказывали, что Орлов что-то такое предпринимает.

Между тем появление Галкина в Москве крайне озадачило многих его знакомых, в особенности тех лиц, с которыми

он наиболее сблизился. В том числе более всех была озадачена его возлюбленная, княжна Телепнева.

Однажды, увидев вдруг Галкина на улице, княжна была несказанно поражена, конечно, обрадовалась, но затем тотчас же ей пришлось расплакаться и проплакать целый день. Генеральша Егузинская, тоже видевшая офицера, недоумевала. А добродушная Бахреева, встретившая невзначай среди Москвы своего якобы уехавшего племянника, была поражена как громом.

Все это случилось по одной простой причине. Вернувшись в Москву, Галкин, во-первых, не остановился у своей тетушки. По приезде он пробыл один день в доме графа Ивана Григорьевича, а затем, к вечеру, переехал в маленькую квартиру неподалеку от Никитской. Во-вторых, выезжая из дому, офицер видимо избегал встреч со знакомыми, а нежданно наскочив на кого-нибудь, старался укрыться, отворачивался от всякого или просто не кланялся.

При первой встрече с Егузинской и с княжной Галкин, завидев их еще издали, бросился бежать от них, не только не подошел. В другой раз, повстречав свою возлюбленную, гулявшую с теткой на Тверской, и нечаянно сойдясь с ними лицом к лицу, офицер отвернулся и сделал вид, что не видит их.

Разумеется, через два-три дня все, видевшие офицера, которого считали в Петербурге, крайне были озадачены его поведением. Бахреева в себя не могла прийти, какая причина

заставила племянника вернуться, не остановиться у нее снова и даже скрываться от нее. Все это казалось, конечно, более чем сомнительным. А между тем причина была простая.

Граф Алексей Григорьевич строжайше запретил офицеру бывать где-либо и даже потребовал, чтоб он ни с кем не видался и не разговаривал.

– Будь в Москве так, как бы тебя не было, а иначе ты мне все дело испортишь и, стало быть, и свою собственную судьбу и свое счастье похоронишь, – сказал он.

Так прошло около недели.

За эту неделю в доме князя Телепнева уже два раза шла речь сначала с двоюродной сестрой, а затем с сыном о приезде графа Орлова в Москву и о странном слухе, который ходил по городу насчет его намерений.

Князь-философ, размышлявший, как и все отцы семейств, о том, что может случиться с каким-нибудь москвичом не нынче завтра, отнесся к делу совершенно иначе, когда зашла о нем речь.

– Позвольте узнать, братец, – сказала Егузинская, приехавшая однажды утром в бутырский дом, – слышали ли вы, зачем граф Алексей Григорьевич в Москву пожаловал?

– Не на то у меня уши, сестрица, чтоб ими всякие вздоры московские слушать! И ничего мне нет любопытного, зачем тот или другой новоиспеченный питерский вельможа придет в Москву! – резко отозвался Философ.

Егузинская передала удивительную новость в подробно-

стях. Подробности, конечно, были присочинены москвичами. Егузинская рассказала, что граф знакомится только с теми семействами, где есть дочери, приезжает, сидит молча по два, по три часа и якобы прямо, безо всяких околичностей, выглядывает себе невесту. Две молодые девушки якобы уже заинтересовали его более прочих.

Выслушав рассказ, князь насупился и проговорил сухо:

– Что же удивительного?.. И глупого ничего нет... Он все-таки русский барин и москвич. Ему и следует жениться на москвичке! У них в Питере девицы по воспитанию наполовину немки.

– Вот бы ему... – заговорила Егузинская и поперхнулась. – Вот бы ему... – начала она сызнава, боязливо глядя в лицо князя, и снова не договорила.

– Что такое? – сурово отозвался князь.

– Да вот бы к вам приехать познакомиться... И у вас есть дочь...

Философ окрысился сразу.

– Кроме пустобрешества ничего от вас никогда не дождешься. С каких безумных глаз поедет он со мной знакомиться? Он с тридцати лет уже генерал и вельможа. Воображает, поди, о себе невесть что. А я, что же? Я – старинного рода дворянин, и больше ничего! А что касается до моей дочери, то уж извините. Предоставляю другим московским дворянам глаза закидывать на такого жениха. Моей дочери он – не пара!

– Что вы, братец, – невольно воскликнула Егузинская, – как же, тоись, не пара?!

– Нет, матушка, не пара! И не Юлочка ему не пара, а он ей не пара! Я лучше ее отдам за прохвоста какого, чем за эдакого молодца, как Алексей Григорьевич Орлов. Влюбись он в нее завтра позарез, так я ее в деревню спроважу тотчас. Это еще хуже того Курицына... или как там... Рябчикова, что ли, которого вы приискали.

– Простите, братец, не пойму я вас. Как же не желать, чтобы дочь вышла за человека всемогущего в империи, богато-го, красивого, да притом еще добрейшей души.

– Брехи! Брехи, сударыня. Все брехи! И богат он, и властен, это правда. Но у князя Аникиты Телепнева никогда не будет зятя, который бы смотрел так на него, как он сам смотрит на какую мелкоту. Не потерплю я, чтобы мой зять был выше меня и смотрел бы на меня как на какого прохвоста. Тому, кто женится на Юлочке, должно быть это в честь! Он должен гордиться тем, что на княжне Телепневой женат. А граф Орлов почтет, что сам делает великую честь, роднясь со мною. Не таков я уродился! И сами вы это твердо знаете. Мне нужно, чтобы зять мой стоял гораздо ниже меня.

Егузинская сидела, вытаращив глаза. Она до сих пор не имела еще повода не верить братцу-филозофу, а между тем теперь явное противоречие сказывалось в его мнениях за последние дни. И вдруг Егузинская, сообразив вполне, насколько князь противоречит себе, почувствовала, что бра-

тец-философ просто-напросто притворяется и лжет. Она вдруг почему-то посмелела и, глядя братцу в лицо, насмешливо улыбнулась.

«Была не была, – думала она, – не могу я ему спустить. Скажу. Ведь не побьет же он меня!»

– Позвольте узнать, братец, – кротко, но ехидно заговорила она, – какого же вы зятя желали бы? Я уже совершенно не понимаю. Недавно вы разгневались, что бедный офицер, хорошего дворянского рода хотел свататься за Юлочку. Говорить изволили, что он не годен, потому что много ниже вас по своему состоянию. А теперь сказывать изволите, не желали бы самого графа Орлова в зятя, за то что он много выше вас!

– Да-с! Так! Равного мне надо! Не хочу я – ни выше, ни ниже! – нашелся Философ.

– Простите, вы изволили сейчас сказать, что желаете зятя ниже себя по положению.

– Ну, пожалуй, и ниже, а не выше, – рассердился князь и тотчас же прибавил:– Так ли, сяк ли, сестрица, а ваш граф Орлов ко мне знакомиться не поедет! И я к нему, конечно, не поеду порог обивать. А если он ко мне и сунется, то я его, – продолжал князь, возвышая голос, – не прикажу пускать. По крайней мере, будет он знать и может рассказать там, у себя в Питере, что есть московские дворяне, которые не падки на паточный мед.

– Как паточный мед? Чем паточный? Что вы? – взволно-

валась Егузинская. – В чем тут подвох?

– Так-с! Отлично понимаете, что я говорю. Я признаю дворян истинных, древних, а не таких, что со вчерашнего дня в честь попали.

– Господь с вами, братец! Да Орловы – стариннейшие дворяне, не хуже нас с вами. Только графами они стали недавно. Так и все, братец, на свете когда-нибудь совсем простыми были. Ведь вот известно же, что при Ное¹⁸ или Аврааме¹⁹ совсем дворян не было.

– Ах, скажите пожалуйста! – вдруг понизил голос князь и заговорил умышленно-пискливо, якобы подражая голосу Егузинской. – Уж вы в философию пустились! С каких это пор? Скоро вы о государственных делах рассуждать начнете! Авраам, видите ли, вдруг вспомнился... Эх, матушка! Занимались бы гродетуровыми платьями, да чепцами, да салопами! Чулки бы вязали! Дело-то было бы по рылу! Да и я-то хорош! Никогда с бабами не разговаривал, а вот целый час с вами воду толку.

На этом беседа, конечно, прекратилась, но через день в той же комнате снова возобновилась о том же между князем и его сыном.

Князь Егор тоже заговорил об Орлове, но с первых же слов заинтересовал отца. Князь Егор робко доложил любо-

---

¹⁸ ...Ной – в библейской мифологии праведник, спасшийся со своей семьей на ковчеге во время всемирного потопа.

¹⁹ Авраам – легендарный родоначальник еврейского народа.

пытную, даже поразительную весть.

Граф Орлов, по его словам, на вечере у кого-то из начальствующих в Москве лиц много расспрашивал о князе-филозофе и выразил желание с ним познакомиться и побеседовать на свободе «об разных материях».

– Так-таки, батюшка, он и сказал. «Очень бы я желал князя где повстречать и с ним познакомиться».

– Ну? – сурово произнес Филозоф, и по голосу его, по одному этому звуку можно было бы догадаться, что он взволновался.

– Ну-с, ему отвечали, что вы не изволите нигде бывать, что вас повстречать мудрено.

– Ну? – тем же тоном повторил князь и засопел.

– Он тогда якобы выразил желание. Наверное я, батюшка, не могу знать, а так сказывали, – заранее оправдывался князь Егор. – А сказывали, что якобы выразил желание, если нигде вас не повстречает, – прямо ехать к вам, в Бутырки.

Наступило гробовое молчание, потому что вдруг князь-филозоф как-то съезжился. Лицо его потемнело и стало сурово, а сын, опасаясь гнева, боялся даже дышать. Но вместе с тем молодой князь недоумевал. Хотя Егузинская рассказала ему, как отнесся отец к возможности познакомиться с графом Орловым, но тем не менее князь Егор не понимал причины такого отношения к делу. Ведь все то, что великая честь для всякого дворянина-москвича, не может же быть бесчестьем для его отца.

Конечно, все знали в Москве, что Философ чудак и прихотник, но ведь и чудачествам мера есть. Впрочем, главное, что смущало и сбивало с толку молодого князя – как это бывало издавна и всегда, – его совершенная неспособность уразуметь, за что отца зовут философом и в чем, собственно, заключается наука философия.

Помолчав довольно долго, князь Аникита снова заговорил мягче и полюбопытствовал узнать, кто передавал сыну о намерении Орлова.

– Многие, батюшка! Человека три-четыре, которые слышали оное на вечере, так что я, собственно, сам верю, что все это – не выдумка. Полагательно, что не ныне завтра граф может явиться к вам. Я и счел сыновним долгом предупредить вас... Если же, батюшка, паче чаяния, спросит у меня кто об этом, что приказать изволите ответить?

– Что ж у тебя спросят?

– Не могу знать, батюшка. Могут что-нибудь насчет графа и вас спросить. Что ж я отвечу?

– Ничего.

– Как же, тоись?

– Да что ты, оголтел, что ли? Русские слова перестал понимать? Тебе будут говорить, а ты ничего не отвечай или говори: «Не знаю». Или сказывай: «Не мое дело». Да и что могут у тебя спросить?

– Вас, батюшка, опасаются многие. Может быть, тому же графу Орлову доложат что-нибудь особое. Он и не захочет

приехать.

– И хорошее дело! – выговорил странно князь. – Что ты полагаешь, подарил ты меня, что ли, твоею новостью? Не поедет ко мне – наплевать, а приедет – увижу, что и как. Какой еще на меня в те поры, сынок, стих найдет? Вот что!.. Хороший стих – приму, не хороший – так турну, что дверей не найдет!.. В трубу ползет!

Князь Егор поверил угрозе отца и испугался заранее.

«Уж лучше графу и в самом деле сюда не ездить, – подумал он. – Пожалуй, еще беда выйдет. Под суд оба попадем... На батюшку стих найдет неблагоприятный, а я-то как кур во щи угожу безо всякой провинности, а только по сыновней прикосновенности...»

Отпустив сына, князь-философ поднялся с кресла и начал бродить по комнате, видимо волнуясь. Наконец, ему вдруг стало тесно и душно. Он вышел и двинулся по всему дому, что делал редко. Но и во всем доме на этот раз было как-то особенно душно... Князь оделся плотнее, ради сырой погоды, и вышел в сад – в первый раз по приезде.

Граф Алексей Григорьевич не выходил у него из головы.

«Я-то лицом в грязь не ударю... – думалось ему в сотый раз. – А вот дочь... В девицу не влезешь, за нее не заговоришь. Моги вот я влезть в ее кожу на несколько дней, так уж не упустил бы эдакого жениха».

XIX

Наконец, однажды пред полуднем, в доме на Бутырках приключился некоторый переполох среди дворни. У подъезда появился верхом офицер, заявил себя посланцем от графа Орлова и приказал доложить о себе князю.

Хозяин тотчас же холодно и важно принял офицера, маленького и тщедушного гренадера, но не посадил, а выслушал его речь, стоя в зале у окна.

Офицерик даже несколько смутился этим приемом князя, ибо сам был из хорошей дворянской семьи. Однако он вежливо и скромно объяснил следующее свое поручение: Граф Алексей Григорьевич прислал его к князю заявить о своем крайнем желании познакомиться и для этого нарочито приехал в Бутырки. Ввиду все-таки дальнего расстояния, граф желал бы приехать на целый день, откушать у князя, а затем и вечер остаться. При этом он желал бы видеть собственно одного князя и с ним провести день в беседе по душе, а поэтому просил бы никого гостей не звать.

За столом, конечно, пускай будут родственники князя, дабы и с ними мог познакомиться граф. Но днем желательно было бы остаться наедине ради приятного и полезного собеседования... К вечеру же если князь-хозяин того пожелает, то пускай созовет гостей хоть всю Москву, хоть целый бал сделает. Вечером граф очень будет рад и побегать, и попля-

сать.

Все это офицер передал князю очень почтительно, тонко и ловко, в лестном виде для Филозофа. В итоге вышло то, что князь любезно попросил офицера присесть, отдохнуть и даже пригласил закусить и выпить. Молодой человек отказался, спеша в город с ответом.

Филозоф дал ответ, что все будет исполнено буквально по желанию графа. С полудня он будет ожидать дорогого посетителя один, а к столу позовет сына, дочь и сестру. Вечером же будет в Бутырках настоящий бал и вся Москва. Князь попросил только три дня сроку для приготовлений и назначил для приема следующее воскресенье.

Офицер стал откланиваться и вдруг замялся несколько, как бы имея сказать еще нечто, но не решаясь...

– Извольте видеть, князь... – заговорил он. – Я должен прибавить одно слово, уже лично от себя, так сказать... Не взыщите и не гневайтесь... Я ради графа и ради вас... Ради добрых отношений, каковые могут завязаться между вами. Позвольте говорить откровенно...

– Сделайте милость! – удивился князь.

– Вы бы не пожелали, конечно, сделать какую-либо неприятность графу. Пожелали бы исполнить не хитрую и не мудреную для исполнения причуду графа?

– Конечно. Блюда какие особые...

– Нет-с... Совсем иное... Извольте видеть: граф не любит шибко, когда его именуют в беседе сиятельством и графом.

Ему надо просто сказывать: Алексей Григорьевич... Если кто его назовет когда иначе, он сейчас добрый дух и веселие теряет. Вестимо, дело идет о тех людях, которых он считает себе ровней... Поэтому если вы не желаете омрачить вашей беседы с графом, то постарайтесь ни разу не назвать его по титулу.

– Это совсем немудрено, – отозвался князь. – И я сердечно благодарю вас за предупреждение. От души благодарен! – с чувством прибавил князь, провожая офицера через залу до дверей прихожей.

Оставшись один, Философ просиял.

Половина того, о чем мечтал он за последние дни, – сбылась. Оставалась другая половина – мудренейшая, конечно. Из того, что граф пожелал с ним познакомиться, еще могло ничего ровно не выйти. Провести один день вместе – ничего не значит. Может быть, это будет первый, но и последний день. Они могут оба крайне не понравиться друг другу. Поважничай граф хоть немного, покичись своим положением, и князь спуску не даст.

«Придворный не выше столбового», – было его любимую поговоркой.

Прежде всего, князь озаботился вызвать к себе тотчас же из Москвы сестрицу-генеральшу и, не скрывая своего веселого расположения духа, ласково встретил ее.

– Ну, сестрица, выручай. В кои-то веки пришлось и мне вот в ножки тебе поклониться.

– Что угодно? – ответила Егузинская, притворно изображая удивление, так как она уже знала чрез людей, кто в бутырском доме был в это утро.

Князь рассказал о появлении посланца графа, и Егузинская ахнула, снова притворяясь. Но когда князь передал, при каких условиях желает быть у него Орлов, – Егузинская ахнула уже непритворно, ибо была действительно удивлена.

– Целый день пробудет? – воскликнула она. – С полдня до полуночи?

– Да-с, такое его желание. Со мной беседовать...

– О важной материи, конечно... Стало быть, он уже видел где Юлочку? – сорвалось у Егузинской.

– Э-эх, сестрица. Сейчас и брех. Что же он, по-вашему, свататься, что ли, будет за девицу, которой не знает. Говорят вам, что он беседовать хочет. Со мной, а не с Юлочкой. Ее ему видеть нелюбопытно.

И князь, передав подробно, при какой обстановке желает быть граф, отчасти опечалил сестрицу, так как дамы должны были присутствовать только за столом.

Просьба князя к сестре была серьезная.

Философ, давно уже порвавший связь с обществом, теперь, по приезде в Москву, тоже не сделал никому визитов. А между тем надо для графа устроить вечер, надо позвать, как говорится, всю Москву.

Все на это есть... И дом обширный, не роскошно, но хорошо отделанный, с большою бальной залой, и серебра сто-

лового, всяких чаш и блюд, хранится немало в кладовых. Есть чем блеснуть всячески богатому дворянину, прожившему свой век «по одежке», сберегшему все отцово и нажившему еще свое.

А главного-то и нет. Гостей неоткуда взять. И добро бы проходимец какой пир задать собрался и ощутил недочет в знакомых. А то старинный дворянин и князь попал теперь впросак из-за своего нелюдимства и долголетнего сиденья на Калужке.

– Выручай, сестрица. Езди, проси всех. Егора тоже пошлю прощенья просить у всех и звать. А сам, вестимо, поеду к самым важным. Ко всем не успеешь.

– Не смущайтесь, братец. Все в Москве вас знают, на вас не гневаются, сказывают, что у вас нрав такой человеконенавистный! – смело отвечала Егузинская, чувствуя, что вступает в роль покровительницы и спасительницы Филозофа. – Будьте спокойны, будут у вас все на бале. Всяк захочет поглядеть, как вы будете чествовать графа. Не забудьте только потешные огни. Нынче без этого нельзя.

– От заставы до дому – тыщу бочек смоляных расставим. Довольно? – весело воскликнул князь. – Коли будет ветрено на городе, то всех обывателей задушим. Вся Москва задохнется от чада и копоти.

Братец с сестрицей весело расстались. Егузинская полетела в Москву с приглашениями, а князь начал отдавать приказания.

Бутырский дом вдруг ожил. Он даже не только ожил, а будто встрепенулся, вздохнул свободнее и задвигался. Все в нем сразу забегало и засуетилось. Гонцы верхом и пешком стали летать в город и обратно. Мастеровые, лавочники, подрядчики и всевозможный народ стал появляться на двор и в доме. Даже какой-то хромой солдат-артиллерист, служивый еще анненских времен, явился по своему делу и усиленно просил видеть князя. Солдат предложил сделать из пороха огненного петуха, который будет прыгать по земле и даже «кукарекать» прокричит. Разумеется, и петух был заказан. И самый большой – в сажень. Для прыганья его было назначено место в саду, в большой средней аллее, прямо перед окнами гостиной.

Через день вся Москва уже знала и говорила, что князь-философ отправил свою философию к черту и собрался веселиться и веселить.

– Видно, супротив Орловых ничто не устоит. Старый филин с Калужки и тот стрижом завертелся и соловьем запел.

И москвичи тоже повеселели. Коли будет бал у Телепнева-князя, то уж ахтителный.

Было, однако, одно существо в бутырском доме, которое не только не радовалось и не суетилось, а, напротив, горевало.

Княжна Юлия ходила слегка бледная, иногда украдкой утирала слезы. Утешать ее было некому, ибо все кругом сбились с ног. Отец ничего не замечал, а тетке было некогда.

Егузинская не раз приезжала из города и уезжала тотчас же. Повидавшись и переговоривши с князем, она спешила в Москву ради общих хлопот. Что касается князя Егора – он совсем смотался, помогая отцу сделать пир на весь мир.

А княжне Юлии было о чем грустить и плакать. Во-первых, возлюбленный ее снова в Москве, но ей не кланяется и никаких вестей о себе не подает.

Во-вторых, нечто страшное висит над головой девицы, роковое, ужасное, сердце щемящее...

Ну, вдруг, на грех и на горе, да приглянется она графу Орлову!

«Что тогда делать?!» – плакала мысленно Юлочка. Она, любящая своего Алешу Галкина, да иди за Орлова. Что ей графство – ей, княжне, что его состояние ей – богатой невесте?

XX

В воскресенье князь-философ встал рано: ему не спалось. Едва он оделся, как пошел бродить по дому, где всюду шли всякие приготовления к балу. Но князь Аникита ничего не видел и будто не сознавал, где он, что делает и что происходит кругом него. Он был весь поглощен одною мыслью – ожиданием появления именитого гостя.

– Чем все это кончится? Ничем! Или чем-нибудь? Или всем!

Ничем – значило: одной беседой. Чем-нибудь – значило: сватовством и свадьбой Юлочки. Всем – значило много... «Все» – это было осуществление всех его честолюбивых мечтаний и замыслов еще времен... бироновских.

Почет, власть, сила!

И Философ совсем растерялся от волнения, ходил как угорелый, глядел как шальный. На доклады и вопросы людей он странно хлопал глазами и будто рычал. Изредка он шептал, а раза два произнес громко и тревожно:

– Ах ты, Господи! Вот...

Наконец, около полудня, роковая минута наступила. На дворе застучал экипаж. Щегольская карета, каких дотеле еще не видала Москва, остановилась у подъезда.

Князь, застигнутый в зале близ прихожей, не пошел своею обычною походкой, а бросился бежать рысью... Но не на

встречу, а в самую последнюю горницу дома.

«Пушай холопы ищут для доклада!.. А он подожди!» – мелькнуло в его голове.

Через минуты три вся стая лакеев, ринувшаяся по дому искать барина, разумеется, все-таки нашла его там, где он почти запрятался.

– Его сиятельство, граф! Его сиятельство, граф! – доложил лакей и еще раза три повторил то же самое на все лады, очевидно от волнения и перепуга.

– Слышу! Чего заладил! Сорока! – каким-то странным голосом отвечал князь и тихую походкой двинулся к зале, из которой только что прибежал...

Но в следующей же горнице, диванной, навстречу ему кинулся Финоген Павлыч и, запыхавшись, доложил:

– Граф Алексей Григорьевич с господином Галкиным.

– Что?! – воскликнул князь. И, окаменев на месте, как истукан, он вытаращил глаза на старика.

Финоген Павлыч повторил то же самое, слегка смутясь от голоса и лица князя.

– Галкин. Офицер Галкин с ним? Почему?

– Не могу знать-с, – ответил старик. – Я их признал верно. А почему они с графом, не знаю-с.

Но князь уже овладел собою, насупился и выговорил глухо:

– Вестимо, дурак, не знаешь. Не тебя и спрашивают!..

И князь снова спросил то же самое, но уже мысленно и

как бы себя самого...

– Почему? Зачем Галкин? Что это значит? Это нахальство. Он не может не знать, что я эту галку в дом пускать не желал. Это насильство.

– При графе в адъютантах состоят, должно, – робко вымолвил Финоген Павлыч...

– Умница, Финоген, – быстро выговорил князь. – Так! Так! Мне на ум не пришло. Умница!

И князь уже скорее двинулся к прихожей, ибо времени прошло довольно много. Хозяин уже становился невежлив по отношению к гостю за такое промедление.

«Сестрица не говорила, что он его адъютант, – думал, однако, князь, подвигаясь быстрее. – Так с собою прихватил? Без умысла! или с умыслом? По службе он с ним? или по знакомству? Если же прихватил мне в противность, то я... Да, я вам обоим покажу, как со мной насильствовать. Я вам сейчас покажу. Особливо тебе, галка... Увидишь».

Князь вошел в залу и прибавил еще шагу, любезно и даже несколько заискивающе улыбаясь. Пред ним были два офицера, два богатыря в совершенно одинаких мундирах, оба красивые, молодые.

Едва только князь появился в зале, как один из них двинулся вперед, приветливо улыбаясь, протянул руку и выговорил звучным голосом:

– Давно, князь, желал я иметь честь познакомиться с вами, много наслышавшись об вас.

Князь чуть было не произнес: «Ваше сиятельство, я счастлив», но, вспомнив наказ офицера-посланца, проговорил почтительно:

– Я счастлив, Алексей Григорьевич, что принимаю вас у себя. Для меня великая честь посещение ваше. Простите, что, в качестве нелюдима и бирюка, каков я есть, первый не явился засвидетельствовать вам все мое давнишнее к вам, особое и сердечное...

Но в это мгновение второй богатырь вдруг придвинулся к князю и перебил его еще накануне заготовленную речь.

– Позвольте мне, князь, представиться, – почтительно заговорил он. – Я желал давно...

Князь сразу окрысился, косо глянул на говорящего и сухо произнес:

– Будьте гостем, если приехали.

И затем, не подав руки офицеру, хозяин обернулся к первому богатырю и прибавил мягким голосом:

– Пожалуйте ко мне в кабинет.

Но, увидя, что оба богатыря двинулись вместе, он взбесился совсем.

– Вы, господин офицер, можете здесь на свободе... отдохнуть от служебного долга. Или прогуляйтесь по саду... – холодно произнес он.

– Если позволите. Я уж лучше здесь. Посижу здесь, – смущаясь, отозвался этот.

– Как вам будет угодно! – сухо резнул князь и подумал:

«Что, брат? Отшибли крылышки».

Хозяин и первый богатырь двинулись к кабинету, а второй остался в зале.

– Вы меня извините, Алексей Григорьевич. Вы желали сами побыть наедине... У меня к тому же есть свои причины относиться нелюбезно к вашему адъютанту.

– Я вас не понимаю, князь.

– Это мои домашние делишки.

– Я не понимаю, про какого адъютанта... Впрочем, вы хозяин и вольны поступать как вам вздумается. К тому же вы известный всей Москве философ.

– Да-с. И горжусь этим прозвищем.

Князь провел гостя к себе, усадил и, сияя, уселся против него. Его мгновенный гнев прошел. Он будто забыл или не признавал, что если Галкин нахально очутился в его доме, то благодаря именно графу, а не по собственному побуждению.

Глядя в лицо своего гостя, князь должен был сразу сознаться, что все слухи и толки об Алексее Орлове, об его красоте и его даре нравиться всякому с первого же мгновения – совершенно справедливы.

«Молодец! Истинно молодец!» – думал князь, глядя на него.

Присмотревшись пристальнее, князь прибавил мысленно:

«Как же сказывали все, что у Орловых в лице тоже что-то орлиное... Ничего у него орлиного нет. Чуть не курнос. А все же славное лицо».

Князь стал тотчас расспрашивать именитого гостя о том, скоро ли надо ожидать государыню в Москву и какие будут празднества.

– Право, не знаю, – отозвался этот. – Сказывают, что скоро будет царица. А уж праздников, вестимо, куча будет.

– Уж конечно, самое дивное торжество для монархини у вашего братца будет? – сказал князь.

– Не понимаю вас, князь. Что вы желаете этим сказать, – быстро проговорил гость и поспешно добавил:– Полагательно, что скорее вы могли бы устроить самый дивный праздник для государыни.

– Я бы рад-радехонек, Алексей Григорьевич, – воскликнул князь. – Но я у царицы на особом счету. На худом!

– Как на худом?

– Да. За всю жизнь мою отзывается мне невольная ошибка, содеянная в молодости. Четвертый десяток лет отзывается. За все царствование покойной Елизаветы Петровны худо было, да и теперь во дни Екатерины – все по-прежнему...

– Поясните, князь. Я не понимаю, про что вы рассказываете? – удивился и повел плечами богатырь.

XXI

Князь Телепнев оживился сразу и заговорил горячо... Сколько раз в жизни мечтал он когда-нибудь иметь случай рассказать кому-либо из сильных людей – всю незадачу своей жизни и обиду на служебном поприще из-за роковой встречи с Бироном.

И вот этот случай наконец теперь представился.

Князь стал подробно и с увлечением рассказывать, как приехал когда-то юношей в Петербург, как влюбился он в молодую девушку, которой покровительствовал кровопийца-герцог, и как женился на ней. А из-за этого вся жизнь пошла прахом. И до сих пор отзывается.

В своем повествовании князь Аникита покривил душой. Он, конечно, не сказал, что своею женитьбою на немке желал выйти в люди, а попал впросак. Напротив, из его слов выходило, что он, в силу любви к молодой девушке, пожертвовал карьерой. Он якобы хорошо предвидел будущее падение Бирона и немецкой партии и затем воцарение «дщери Петровой», но любовь все превозмогла... И как ожидал он, так и потерял все... И вся жизнь повернулась иначе...

Гость слушал с большим вниманием рассказ князя и соболезновал.

Князь, окончив свое подробное повествование, ожидал услышать что-либо себе в утешение, хотя бы намек, что не все

пропало безвозвратно, что его положение поправимо, что если бы царица узнала все, то, быть может...

Но гость ничего не промолвил в утешение хозяина, а вдобавок рассердил его. Пришлось даже скрыть в себе ту досаду, которая сказалась вдруг в князе от замечания гостя.

Собеседник заметил, что такому философу и нелюдиму, как князь, и не нужно было бы все то, что он внезапно потерял от дружества с Бироном.

«Хорошо тебе рассуждать! – мысленно воскликнул князь и озлобился. – Влез бы ты в мою душу да поглядел, охотой ли я пошел в нелюдимы».

И он тотчас прибавил вслух:

– Так-то так, Алексей Григорьевич. Да ишь, бывает, философия приходит к человеку незваная... Вот, к примеру сказать, – не все иноки в монастырях от мира спасаются, иных загнала в пустынножителство обида на людей...

– Бывает, – со странным вздохом отозвался богатырь. – Одна неудача, другая, третья... И пойдешь в келью Богу молиться...

Наступило молчание. Князь был совершенно недоволен итогом своей беседы с именитым гостем. Он будто ждал чего-то от своей искренней исповеди и разочаровался.

Он снова повел беседу о Петербурге и о дворе, но гость на все вопросы хозяина о царице и о придворной жизни отвечал уклончиво, иногда отзывался полным неведением.

– Мне это все, князь, мало любопытно, – отвечал он. –

В качестве петербургского жителя все эдакое видишь и знаешь, но собственно желания все это ведать нету во мне...

Истошив предметы беседы, князь заговорил умышленно о лошадях. Собеседник оживился и спросил – правда ли, что у князя есть шестерик коней, каких нет ни у кого в империи?

– Серебряный? Есть, – улыбнулся князь самодовольно. – Если не сочтете, Алексей Григорьевич, для себя беспокойством, то могу сейчас же вам его представить.

– Сделайте милость! – быстро поднялся с места богатырь. – Сейчас готов идти на конный двор.

– Так пожалуйста.

Через минуту хозяин и гость были уже снова в зале. Князь, сделав несколько шагов, остановился, и плохо скрытая досада появилась на его лице. Он снова увидел на стуле, около окна, плечистую фигуру офицера, о котором совсем было и думать перестал.

Но, конечно, не одно присутствие этого незваного посетителя рассердило князя, а уже совершенно иное и неожиданное обстоятельство. С этою «непрощеною галкой», как мысленно выразился князь, сидел его сын Егор, появившийся в доме раньше условленного времени.

Но и того мало!.. И то цветочки! А ягодки в том, что «дурень Егорка», сидя около офицера, бесцеремонно развалившегося, собственно не сидел, а как-то подобострастно торчал на кончике своего стула. Он, по-видимому, не только любезничал «с галкой», а унижался, «черт знает с какого дья-

вола»!

Едва только незванный гость увидел вышедших из кабинета, как тотчас же поднялся с места и принял вежливый и скромный вид. Пропуская мимо себя философа-князя, «галка» даже глаза опустила, встретив неприязненно-холодный взгляд хозяина.

«Нахал эдакий», – подумалось князю. И затем, обернувшись к своему спутнику, он вымолвил, показывая на сына:

– Алексей Григорьевич, позвольте иметь честь представить вам сына моего...

– Мы, князь, уже знакомы... – проговорил гость. – Мы не раз встречались, хотя не упомяну где...

Он поздоровался с князем Егором и быстро двинулся далее...

Князь удивился вдвойне, ибо, оглядев внимательно сына, заметил в нем что-то особенное. Спросить было нельзя – надо было следовать за гостем.

«Какой бес в тебя влез!» – подумал Телепнев.

Князь Егор показался отцу смущенным, будто оробевшим, даже имел вид совершенно потерянного человека.

Когда князь, сопровождая гостя, уже выходил на крыльцо, за спиной его раздался сдавленный и робкий шепот сына, догнавшего их.

– Батюшка... Простите.

– Чего ты, – обернулся князь, отставая от гостя.

– Я... Простите... Я за вас опасаюсь... Человек сильный.

– Что ты? Белены объелся?.. – сильным шепотом отозвался Философ, сразу вспыхнув и грозным взглядом меряя сына с головы до пят. – Рехнулся, что ль? Тебе, дураку, самый лядащий питерский франт в страх и в диковинку.

– Стерпит, батюшка, а потом... оплатит!

– Дурафья-кутафья! – усмехнулся князь сердито и презрительно.

И Философ мотнул головой, как бы сожалея, каков дурак-сын у него уродился.

И князь догнал гостя, уже спускавшегося с крыльца на двор и поджидавшего хозяина.

Князь Егор, еще более смущенный, вернулся быстро в залу к своему собеседнику, а Философ поспешил извиниться пред своим гостем за то, что сын задержал его.

Через минуту весь княжий конный двор засуетился. Конюхи и кучера бегали и кидались как угорелые. Наконец началась выводка лошадей, которыми князь мог действительно похвастаться. После всех «на закуску», как доложил хозяин, был выведен известный на всю Москву шестерик серебряных коней.

Гость пришел в восторг от шестерика. Князь сиял довольством.

– Я бы почел за великую честь и за счастье, – вдруг вымолвил Философ, как бы вопросительно и с волнением в голосе, – если бы был удостоен дозволения поднести этих моих серебряных – государыне монархине.

– Полагаю, что такое право имеет всякий подданный, – уклончиво отозвался гость и тотчас же перевел разговор на трудность подбирать коней, когда масть редкая и диковинная.

«А-а, вот что! – подумал сердито князь. – Понятно! Знакомиться хочешь, а чтобы я в тебе руку имел – не хочешь. Все вы – таковы!..»

XXII

Философ-хозяин и его дорогой гость перешли в сад и уселись на лавочке в средней аллее. Беседа их была особая, важная, даже, казалось, огромного значения для обоих, если бы кто стал судить по их лицам и глазам. И каким образом возникла подобная беседа? С чего пошла? Бог весть! Судьба!

Богатырь-офицер говорил, что не прочь бы жениться, так как холостая одинокая жизнь ему надоела, да, на беду, он полюбил девушку-москвичку, родные которой не желают принять его в свою семью.

Князь говорил, что удивляется, как могли найтись такие люди, так как, по его уверению, он редко встречал более душевного человека, к которому поневоле «сердце ложится». Сдается, что такой именно человек должен всем понравиться так же быстро, как вдруг «пришелся по душе» ему, Телепневу.

– Вашими устами да мед бы пить, князь, – грустно и тревожно отозвался богатырь на горячую речь хозяина. – Но позвольте усумниться.

– Как усумниться! В чем?!

– Так сказывать изволите... Ради любезного гостеприимства и общежительских правил... Я не могу сметь думать, что в такой короткий срок я мог вам настолько понравиться.

Князь еще горячее начал доказывать гостю, что он, фило-

зоф, людей знает и видит сразу насквозь. На что иному год нужно, ему, князю, часу довольно.

– Ваша прекрасная душа, Алексей Григорьевич, вся на ладони, – с чувством заговорил он. – Я нравом и речью прям! В жизни своей никогда не кривил душой... Кто бы ни был мой знакомый, большой ли, малый ли человек, – мне все едино. Недаром меня Философом прозвали.

– Положение мое особое, исключительное, князь... – заметил гость. – Иной желает дочь совсем иначе замуж выдать. Ведь вот и вы... Сознайтесь... Если бы... У вас вот дочь...

И гость запнулся, очевидно, не решаясь говорить.

– Что, собственно... – упавшим голосом выговорил князь и даже как-то повернулся.

– К примеру... если б я вдруг... – робко продолжал тот, и звук его голоса не шел к его богатырской фигуре... – Если бы я полюбил княжну и посватался... Вы бы, может быть, тоже не пожелали меня в зятя.

– Бог с вами, Алексей Григорьевич, – рассмеялся князь и чуть не испугался собственного смеха. Настолько этот смех был странен: хриплый, визгливый, неестественный.

«Точно скрип какой! Или режут кого по горлу!» И в это мгновение все трепетало в Философе. Все «нутро» дрожало. И не от слов гостя, а от его многозначаче взволнованного голоса.

– Так вот, ради шутки... к примеру... князь, – быстро заговорил богатырь рвущимся голосом, – повстречал я княжну

Юлию Аникитовну и влюбился в нее позарез. И вот, представьте, что я прямо сватаюсь, прошу ее руки... Представьте и ответствуйте. Ради шутки...

– Отвечу... Счастлив... – испуганно произнес князь. Наступило мгновенное молчание.

– Я философ! – оправившись, снова заговорил князь. – И поэтому многие жизненные обстоятельства сужу по-своему. Мне все равно, высокое или низкое положение имеет человек, если он душой высок. Точно так же скажу и по отношению к таким важным делам, как брак детей моих. Вам известно, что сын мой Егор женился так, что вся Москва ахнула: Телепнев, князь, да вдруг женился на купчихе! Сказывают, якобы я прельстился, что у невесты миллион. Да ведь это не я женился, а мой сын – миллион-то его, а не мой стал. Также скажу про дочь: кого она полюбит, за того и пойдет, неволить не стану, и, как бы женихово положение изрядно ни было, мне нет до него никакого дела. Возьмем, к примеру, что вы стали много выше меня по вашему положению в обществе и при дворе.

– К примеру, князь, – отозвался богатырь, – но на деле этого нет.

– Ну, как же, однако. Я простой московский обыватель из российских дворян. Я ни до каких почестей не достиг. А вы уже в ваши молодые годы...

– Мало ли что кажется, – быстро прервал гость. – Наружный вид обманчив. Положение мое, князь, право, много хуже ва-

шего. Но бросим, пожалуйста, эту материю побоку... Будем говорить о том, что если бы я признался вам в моем неравнодушии к княжне, а с ее стороны не было бы противности, то вы бы, князь, согласились на наш брак?

– Вестимо дело! – проговорил Филозоф и чувствовал, что снова все «нутро» дрожит в нем. Он готов был ощупать себя, чтобы вполне увериться: спит он, бредит или действительно сидит на лавке, в саду, а перед ним граф Орлов почти что сватается за его дочь. Гость между тем что-то говорил скромно, мягко, стараясь быть как бы уж чересчур вежливым. Но князь от волнения не слышал ни слова.

Наконец он расслышал и понял, что гость выразил желание увидеть княжну. Князь будто очнулся, вскочил с места и предложил тотчас же идти в дом.

Когда они вошли в залу, она оказалась пустою: ни сына, ни «галки» не было. Вероятно, они тоже отправились прогуляться по саду до обеда. Князь провел гостя снова в свой кабинет и послал человека просить пожаловать к себе княжну.

Через несколько минут в горницу явилась Юлочка, встревоженная и слегка бледная. Но, войдя и увидя богатыря-гостя, она покраснелась. Он поклонился издали. Она сделала «реверанс». Затем, взглянув на отца, она еще больше вспыхнула, и глаза ее запрыгали. Ей вдруг почудилось что-то чрезвычайное... Отец был радостен, доволен, счастлив... Богатырь смущенно заговорил с нею, глядя ей в глаза, а Юлочка прочла и в его глазах, что положительно совершается нечто

крайне важное. Но не худое, а скорее хорошее, дивное...

– Хитрить стала, лисичка! – погрозился князь пальцем на дочь, когда все трое уселись. – Ни словом мне не обмолвилась ни разу, что уже познакомилась с Алексеем Григорьевичем.

Княжна удивилась, широко раскрыла глаза и хотела ответить отцу, но офицер не дал ей сказать ни слова и выговорил:

– Встречались сколько раз с княжной. Княжна любит танцевать. Я также иногда пускаюсь. Вот мы вместе и поплясали раза два-три, а то, может быть, и больше.

И затем гость перевел разговор на увеселения московские и петербургские, и беседа пошла о посторонних предметах. Князь, наблюдавший за дочерью и за гостем, совершенно смутился от радостного чувства, которое всколыхнулось в нем. Не было ни малейшего сомнения, что гость влюблен в его дочь! Это видно было по его лицу, его глазам, его манере разговаривать с нею. Поразительным было для князя только одно: когда Юлочка успела влюбиться в красавца богатыря? А давно ли она собиралась за «галку»?

Общая беседа длилась около часу, но ничего особенного не было сказано. Результатом этой веселой и простой беседы было, однако, полное убеждение князя, что дело кончено. Пока дочь разговаривала с гостем, он изредка задумывался и каждый раз приходил все к тому же убеждению.

«Да, все кончено! Даже наверняка! Сегодня же вечером что-нибудь да окажется. Да, „за этим“ он на целый день и

просился в гости? Было у него заранее намерение. Ну, вдруг, ввечеру, на бале и объявим помолвку!»

И все нутро князя-философа уже не колыхалось, как прежде, а загоралось и огнем горело.

XXIII

Наступил час обеда. Князь с гостем и дочерью вышел в залу, где их уже ожидали сестра, сын с женой и незванный гость. При взгляде на сестру-генеральшу князь удивился и потом взбесился. Сестра тоже сама не своя, точно пораженная чем-то.

«Неужели же дурафья вообразила, – подумал князь, – что я ее „галку“ приму да целоваться с ней начну! Такая же дура, как и сын».

Князь поспешил представить своему гостю сестру и молодую княгиню. Но гость отозвался снова очень быстро, что он уже имеет честь быть знакомым с обеими и тотчас же перевел разговор на другое.

Пока все стояли, обмениваясь незначащими словами, «галка» стояла несколько поодаль и вообще держала себя скромно.

Егузинская, ответив каким-то приветствием, тотчас же приблизилась к князю и шепнула ему на ухо:

– Братец! Помилосердуйте, что вы творите? Всему на свете предел есть! Уж это не философия! Это умалишение!

Князь выпучил глаза на сестру, слегка изменился в лице и прошептал:

– Не будь тут гостей, вцепился бы я тебе в загривок, сестрица, да выкинул бы твое превосходительство в окошко. Ну,

вот пока получи...

Слов этих никто не слышал, но все заметили гневное лицо хозяина и его сверкающие глаза. Егузинская отчасти оробела, но тем не менее дернула плечами. Движение ее и лицо сказали:

«Что ж! сумасшествуй! Мое дело сторона. Я – не филозофка. Не кусаюсь...»

Все сели за стол. Князь пригласил своего собеседника, которого уже очевидно полюбил душой, сесть по правую от себя сторону, а по левую позвал сесть сестрицу. Егузинская, видимо не решаясь, переминалась на одном месте и глазами показывала братцу на скромно стоящего в ожидании офицера.

– Сестрица, садись тут! – выговорил князь таким голосом, который равнялся военной команде.

– А вас, сударь мой, – прибавил он офицеру, – прошу около сестрицы. А ты, Юлочка, сюда, – показал князь направо на стул около своего нового друга. – Вы же, сынок и невестка, на нынешний день последними будете. Утешайтесь, что последние будут первыми, – пошутил князь.

Когда все были за столом, наступило неловкое молчание. Все переглядывались. За столом положительно происходило что-то особенное... или всем понятное, но умалчиваемое, или всем равно непонятное. Дорогой гость князя был доволен и счастлив, но как будто вместе с тем немножко встревожен. Другой богатырь офицер был только тих и скромн. Он,

казалось, весь съежился, будто прося извинения. Он будто понимал, что явился незваным и поступил дерзко. Но ведь он же не виноват. Его привезли!.. И, видя холодность хозяйина, он всею своею фигурой просил прощения.

Генеральша сидела окрысившись, вне себя, холодно и важно поглядывая на братца, но зато, обращаясь к своему соседу, всячески старалась придать лицу другое выражение, до крайности вежливое и предупредительное.

Юлочка была на седьмом небе, и едва только села, как начала болтать со своим соседом, сидевшим на почетном месте около ее отца.

Князь Егор был не только как в воду опущенный, но глядел на всех широко растарачив глаза и как-то особенно нелепо хлопал веками. Он моргал обоими глазами так, как если б оба засорил пылью. Когда случалось ему встретить взгляд отца, Егор моментально опускал глаза и виновато смотрел на салфетку, которая лежала у него на коленях.

«Как вам угодно. Я тут ни при чем. Воля ваша», – говорило его лицо.

Молодая княгиня относилась ко всему происходящему кругом нее точно так же, как и большая серебряная ваза, стоявшая среди стола с пятью бутылками вина. Княгиня была сама не живое существо, а предмет.

Разговор общий не завязывался. Юлочка весело болтала с соседом о московских вечерах, генеральша особенно почтительно задавала своему соседу разные вопросы, стараясь за-

вести разговор. На некоторые он отвечал подробно и охотно, на другие, очевидно, не хотел отвечать и, сказав слова два, быстро менял предмет разговора. Когда Егузинская спросила у него о заморских землях, потом о Турции, то гость положительно замял разговор.

Наконец, после второго блюда, генеральша обратилась к братцу-хозяину и выговорила:

– Братец! Алексей Григорьевич, как я слышала, очень любит мадеру. Вы бы предложили угостить... У вас есть такая, какой по всей Москве не найдется.

– Точно ли? – обрадовался князь, обращаясь к гостю, сидящему направо около дочери. – Вы предпочитаете мадеру всем винам? У меня дивная!

– Извините, братец, я говорю про Алексея Григорьевича, – сухо заметила Егузинская.

– Ну! – удивился Философ.

Наступила пауза, и за столом как будто произошло какое-то легкое волнение. Даже оба гостя офицера взволновались, будто ожидая, что сейчас среди них упадет и разорвется бомба.

– Кажется, происходит недоразумение, – выговорил скромно сосед Егузинской, – Мы оба, князь, называемся одинаково. И я, и он, мой приятель, – могу выразиться, мой друг – оба мы Алексеи и оба Григорьевичи. Генеральша говорила обо мне, а вы подумали на моего тезку – вот и все.

– А-а-а! – протянул хозяин. – Вы оба!.. Да... Оба?!

И философ-хозяин остался разиня рот. Наступила снова пауза. Но затем оба гостя офицера, каждый со своей стороны, постарались завести разговор со своими дамами. И Юлочка и генеральша с удовольствием помогли своим собеседникам прекратить неловкое молчание. Но, однако, изредка, все они, и князь Егор, и даже княгиня-«предмет», взглядывали пытливо на хозяина. Философ сидел неподвижно, слегка разиня рот, не глядя ни на кого и будто прислушиваясь. И казалось, что он прислушивается не к тому, что говорят вокруг него, а прислушивается к тому, что происходит в нем, или, наконец, к тому, что он сам про себя думает. Лицо его слегка переменялось, стало темнеть. Наконец, окинув весь стол каким-то странным, будто вопрошающим, взглядом, князь взялся рукой за голову и тихо вымолвил:

– Простите! извините! Мне что-то... Как-то... голова что-то... Простите. Я сейчас.

Князь быстро поднялся. Юлочка, перепугавшись, вскочила тоже, но князь остановил ее жестом и выговорил глухо:

– Сиди! Все сидите... Я сейчас. Немножко в голову ударило. Я сейчас...

И князь быстрою и твердою походкой вышел вон из столовой. Пройдя две горницы, он хотел двигаться далее, но остановился в самых дверях и пошел назад. Дойдя снова до дверей, ведущих в столовую, он будто вспомнил что-то, остановился и опять пошел назад. Потом он взял вправо, вышел к балконной двери, сел на первое попавшееся кресло и стал

глядеть на стену ошалелыми глазами.

– Не может быть! – шептал он почти бессознательно, сам не понимая, что говорит. – Не может быть! Нет, так!.. Да как же это так? Что же это такое?.. Граф Орлов!.. Да не может быть! Фу! Господи помилуй! – выговорил наконец князь вслух и взял себя за голову обеими руками.

И он стал тяжело, с трудом отдуваться, как человек, который плывет и начинает терять силы. Князю даже так и представилось, что он плывет через реку и тонет. Как тонет?! Да он уже потонул! Да неужто нельзя вынырнуть? Вынырнуть можно... Положительно можно вынырнуть. И до берега можно доплыть. И назад можно вернуться. Да только одно – людей стыдно.

– Стыдно! Стыдно! Стыдно!

И вдруг князь заметил, что он повторяет это слово вслух, да еще громким и отчаянным голосом.

В столовой между тем шел тихий разговор. Все были смущены. Два офицера постоянно переглядывались, но смотрели разное. Один был крайне смущен и встревожен, другой весело улыбался. Вскоре по уходе князя из столовой генеральша обратилась к своему соседу и вымолвила:

– Простите братца, Алексей Григорьевич. Вы знаете, недаром его прозвище философ. Но, признаюсь вам, я совершенно не могла ожидать, что братец может... Извините, как бы мне выразиться... Поведение братца совершенно неблагоприлично.

– Почему? Помилуйте! – удивился гость.

– Поведение его по отношению к вам совсем неблагоприлично. Нельзя эдакие поступки объяснять филозофией.

– Я вас не понимаю. Какие поступки? Полноте.

И офицер тотчас же прибавил:

– А что, у князя бывают боли какие головные? Вообще хворает он?

Егузинская объяснила, что брат очень полнокровен, что у него бывают приливы крови к голове и, вероятно, таковой случился сейчас; что положение его вообще серьезно. Надо бы больше обращать внимания на свое здоровье.

Понемногу разговор оживился, но, однако, все изредка поглядывали на дверь, за которою скрылся хозяин.

Наконец дверь эта отворилась, лицо вернувшегося князя все еще было несколько иное, изменившееся, более красное, но, по-видимому, он был совершенно спокоен и очень хорошо себя чувствовал.

Заняв свое место, князь сразу удивил всех своею болтливостью и игривым расположением духа. Он заболтал и долго болтал без умолку, обращаясь направо и налево ко всем без разбору и почти не давая никому вставить ни одного слова. Говорил князь о себе... Говорил, что за всю его жизнь считали его чудачком, а что никакого чудачества, собственно, в нем не было и нету. Живет он просто, «по-Божьему». И вот за эту простоту в своих жизненных обычаях, за простоту чисто сердечную, прирожденную его пожаловали в чудодеи, чуть

не в комедианты, прозвали филозофом...

– Ну что же! Вестимо, я не отрециваюсь, – заговорил наконец князь, обращаясь уже к соседу своей сестрицы. – Я – действительно филозоф. Вот мы здесь все свои люди. Вы, Алексей Григорьевич, изволили пожаловать ко мне с вашим товарищем, другом или адъютантом, – собственно, я не знаю... Ну, с господином Галкиным... Он вам не чужой человек. Я же здесь в семье. Стало быть, говорить можно все без обиняков. Все можно прямо сказывать, как оно на уме. Я, конечно, понимал, что вас очень удивило одно обстоятельство. Удивились вы, что я принял вас не так, как следовало принять именитого графа Орлова. Я стал с первой минуты обходиться на свой образец. Я радушно принял господина Галкина, которого имел причины не желать принимать у себя, а вас попросил... обождать... Давайте теперь говорить по совести. Теперь конец. Я больше хитрить не хочу. Скажу, я ожидал вас с особым удовольствием, так как мне великая честь, что вы соизволили ко мне пожаловать. Но когда я увидал, что вы прихватили с собой человека, которого я не желал у себя видеть, а именно Алексея Григорьевича Галкина, то я, признаюсь, обиделся. Ну, и действовал на свой образец. Теперь все, так сказать, повернулось кверху дном. За время моей беседы с Алексеем Григорьевичем я так был прельщен его душой, его умом, всем его обхождением, что теперь, прямо скажу, он для меня якобы близкий старинный приятель. Что делать! Человек предполагает, а Бог рас-

полагает. Привезли вы мне врага, а оказался он моим другом. Стало быть, и сердце мое на вас прошло. И вот теперь, Алексей Григорьевич, или позвольте здесь раз назвать вас по титулу – теперь ваше сиятельство, простите меня за мое холодное с вами обращение. Не ищите в этом ничего дерзостного. Простите философу и простите хозяину, который вдруг осерчал. Теперь сказываю: конец. Кто старое помянет, тому глаз вон. Я рад-радехонек обоим Алексеям Григорьевичам и обоих готов любить. А вас и много любить и много чтить, как великого российского гражданина и сына отечества, славного многими подвигами.

Князь кончил, и наступило молчание. Все были взволнованы. Даже Орлов сидел слегка смущенный, очевидно, хотел заговорить и не знал, что сказать. Наконец он пересилил себя и вымолвил:

– Простите вы меня, князь. Я не знал; я взял с собой Алексея Григорьевича, то есть Галкина, как адъютанта, при мне состоящего. Но, кроме того, признаюсь вам, что хоть я и мог слышать, что вы недолюбливаете его заглазно, но не придавал веры этому. Я не понимаю, как моего Алешу не любить! Недаром же мы друзья. Скажи-ка ты, Алешка! – прибавил граф через стол, – есть ли на свете такие приятели, как мы, братец, с тобой?

Галкин ответил какое-то слово, но никто его не расслышал, настолько он был смущен.

– Знаете ли, князь, – продолжал Орлов, – что мы с Але-

шей в таких бывали иногда переделках, в такие решета с такими чудесами попадали, в которых истинная дружба сразу скажется. Говорят, надо пуд соли вместе съесть, чтобы друг дружку узнать. А я скажу, надо попасть в иное бедовое положение, в какие нам не раз с Алешей приходилось попадать. Вот в эдакие-то минуты я и узнал его душу, и хоть и много у меня друзей-приятелей в Петербурге, а таких кровных друзей, родных по душе, как Алеша Галкин – вот этот самый, – таких у меня других нет. И сколько я его люблю, столько он меня любит. Так вот, князь, эдакого приятеля, я признаюсь, и решил к вам с собой прихватить. Хотел, чтобы философ Телепнев с ним познакомился и перестал относиться к нему вражески, никогда в глаза не выдавши. А что вы мне преподали некоторого рода урок за мой не совсем деликатный поступок, то вы правильно поступили. Ну, а теперь скажу тоже: «Кто старое вспомянет, тому глаз вон».

И граф, извинившись перед соседкой, протянул через нее руку хозяину. Князь быстро приподнялся, и оба крепко пожали друг другу руки.

XXIV

После обеда все перешли в диванную, и беседа оживилась. Граф Орлов рассказывал анекдоты, острил и смешил всех до слез. Все точно сразу ожили, все были довольны. Беда миновала, путаница распуталась, и все кончилось благополучно. Все были не только веселы, но, казалось, все были счастливы. Только один хозяин, говоривший громче всех, смеявшийся больше всех, изредка вдруг смолкал, и легкая тень появлялась на его лице или же он, едва заметно для других, подавлял в себе глубокий вздох.

В диванную подали десерт и множество всяких наливок. Граф оживился, перепробовав все наливки, и становился все веселее.

– Вот что, хозяин! – вдруг громко выговорил он, шлепнув себя рукой по ноге. – Давайте-ка мы с вами, князь, о деле рассуждать. Ведь тут все свои люди. Ваша семья, да я с другом. Вы сказывали, что мой Алеша вам по душе пришелся, что вы его полюбили в несколько часов так, как если бы знали несколько лет. Так ли это? Правда ли это?

– Вестимо, – отозвался князь, – я же сказал. А от своих слов я не отрекаюсь.

– И правы вы. Малый золотой. И при нем говорю это и без него скажу. Недаром мы с ним первые друзья! Давайте же, родной мой, разные российские обычаи, самые коренные –

побокую махнем! Хотите?

– Не понимаю, граф, – отозвался Философ, но слегка дрогнувшим голосом, так как тотчас же сообразил, про что говорит Орлов.

– Позвольте ли вы? Да, впрочем, должны позволить... Вы философ. Вы должны любить и должны желать все эдакие обычаи, светские условия, выдумки людские почаще побокую... Ведь вы философ. Ну, вот скажите: если нравится вам Алеша так же, как и мне? Да если вдруг окажется такое диковинное обстоятельство, что мой Алеша любит княжну, а княжна тоже его любит, да и давно влюблены они друг в дружку – что вы на это скажете, князь?

Все присутствующие обмерли от слов Орлова и боязливо уставились на князя, ожидая его ответа.

– Что ж я... – зашептал он. – Я, право, граф... Я слышал, знал это... Сестра говорила. Но я господина Галкина не знал и ничего ответить не мог.

– Понятное дело! Но теперь-то вы его знаете и даже полюбили... Ну и давайте, князь, вот так-то, тут при всех: раз, два, три и готово!

Орлов хлопнул три раза в ладоши.

– Я сват. Раз! Сватаю моего друга. Два! Предлагаю вам его руку и его сердце для вашей княжны. Три! Согласны вы? Я и посаженным буду.

Наступило молчание, и продолжалось одно мгновение. Но это мгновение показалось вечностью всем, трепетно ожидав-

шим первого слова князя.

– Что ж я, – выговорил Философ, разведя руками. – Я ничего... Я, право... Как хотите...

– Да мы-то все хотим! – рассмеялся Орлов громко, и, поднявшись, он обнял сидящего князя.

– Золотой вы мой! Бриллиантовый! Мы все хотим. Вы-то вот захотите.

– Я что ж... Я...

– Ну, давайте расцелуемся, да и согласимся.

– Ей-Богу... Я, право... Я, граф... Я, то есть Алексей Григорьевич, – бормотал князь.

– Я сватаю друга. Я посаженный. Закатим бал, какого в Москве не бывало. Царица на бале будет и в первой паре с князем Телепневым пройдет в полонезе. Ну, философ, голубчик, родной, живо говори, согласен?

– Да я, граф!..

– Говори «согласен»!

– Ну, согласен.

Едва только князь успел выговорить это слово, как Орлов обхватил его, приподнял богатырскими руками с кресла и расцеловал несколько раз в обе щеки.

– Ну, образ несите родителю! – обернулся он. – Благословлять сейчас. Ну, княжна, целуйте родителя! И ты, Алексей, целуй! Благодарите!

Юлочка бросилась на шею к отцу и стала горячо целовать его. Но Философ только раз чмокнул дочь в щеку как бы бес-

сознательно. Потом точно так же поцеловался он три раза с Галкиным и, совершенно смущенный и растерянный, чувствовал, что все перед ним идет кругом. Какой-то круговорот и неведомо: хороший ли, худой ли. Ведомо одно: если все это и хорошо, но много хуже того, что еще несколько часов тому назад представлялось ему.

Егузинская, сияющая и счастливая, принесла из спальни князя семейный образ. Князь благословил дочь и жениха. Начались целованья и всеобщая радость.

Наконец Орлов заметил, что пред балом надо всем отдохнуть – и хозяину и им – двум гостям.

Князь как будто даже обрадовался предложению. Проводив Орлова до маленькой гостиной на краю дома, где уже успели поставить кровать, князь прошел к себе в горницы и тотчас же вызвал к себе сестру.

Когда Егузинская вошла к нему, он встретил ее, ухмыляясь насмешливо.

– Что, сестрица! Давно мы с вами друг дружку знаем. А вот вы меня не знали... Думали, что я с великими вельможами, как какой-нибудь подьячий или прохвост, лицом в грязь ударю или меня лихорадка трясти начнет. А вот на деле-то не то. Вот я все-таки проучил вашего Орлова! Он мне нравится – душа человек, прелестный, а все-таки я его проучил: не вези ко мне без моего спросу хоть бы даже своих приятелей. Ну, а на его счастье, да и на ваше, потрафилось все совсем особо... Что ж делать, ваша правда, славный малый эта

«галка». Ну и Бог с нею, пускай он женится на Юлочке. Все произошло, слава Богу... Но урок-то все-таки я Орлову дал! Каков я был философ, таков и остался, таковым и останусь! Ну, вот все, сестрица. Теперь идите да тоже отдохните. Часа через два съезжаться начнут, надо нам быть на ногах.

Егузинская выслушала все, не проронив ни слова. Она пристально смотрела в лицо братца и, казалось, думала: «Кто тебя разберет! Ничего как есть не поймешь. Зачем тебе было учить? Ну, спасибо, на доброго человека налетел».

Егузинская прошла в горницы к племяннице, где был и князь с женой. Юлочка безумствовала: прыгала, кружилась, кидалась ко всем на шею и всех целовала.

– Чудодей – твой батюшка-родитель, – сказала Егузинская молодому князю.

– Нет, тетушка, – отозвался Егор, – я только сегодня понял всем сердцем, какой батюшка человек. Ему хоть с королями разными и с императорами водиться. Как это у него все выходит. Меня, тетушка, раз двадцать в жар и в озноб швыряло за весь-то день. А вон оно, что вышло-то! По правде-то сказать, тетушка, ничего даже не разберешь.

– То-то, голубчик мой, и мне так-то сдается, что ничего не разберешь. Ну, да слава Господу, кончилось-то не бедой.

XXV

Часа через три весь бутырский дом был переполнен сплошною блестящею толпой. Действительно, вся Москва явилась в великолепный освещенный дом князя. Вокруг усадьбы в сторону Москвы стояло столпом целое зарево: тысяча бочек смоляных пылала. Князь будто предвидел и предсказал: весь чад и дым тянуло ветром на Москву.

Действительно, в эту ночь Москва могла задохнуться от пирования князя-философа, и если не очумела от копоти и смрада горячей смолы, то ей пришлось очуметь наутро от того, что рассказывали про поведение князя с графом Орловым.

В восемь часов, при всех гостях, в большой зале, князь Телепнев, взволнованный и возбужденный, взял за руку дочь и объявил, что она помолвлена и невеста Алексея Григорьевича Галкина.

Начались поздравления. Затем, когда суетня стихла, по данному знаку оркестр грянул полонез, и бесконечная вереница пар двинулась тихо по зале. В первой паре шел граф Орлов с генеральшей Егузинской, а за ними князь с дочерью.

Сделав круг, князь подозвал стоявшего у стены жениха и выговорил:

– Ну, получай из рук в руки и веди дальше, – и по зале, да и по жизненному пути.

И князь, поставив на свое место богатыря-офицера, положил ему в руку руку дочери, а сам отошел в сторону. И пред его глазами в ярко освещенной зале стал скользить большущий змей. Это была вереница пар. Но вдруг князю показалось, что это не гости, а что это – действительно большущий змей, который извивается по зале и вот сейчас обхватит его, задушит, ужалит...

– Офицерша Галкина! – повторял он про себя. – По собственной и несказанной глупости! Бывали дураки на свете, но таких дураков, как ты, Аникита, – стоял свет и будет стоять, а не было! Ах, дурак, дурак! Нет, вот дурак-то! И никого не обманешь. Как ни ломайся, а наутро всей Москве будет все понятно. И я знаю, как вся Москва тоже знает, что никогда Галкин его другом не был. Будь правда – было бы и прежде известно. Все было подложено меня обморочить. И пустили мороку! И одурачили на всю жизнь. Теперь одно тебе... На Калужку беги! Запирайся и никогда уже больше людям не показывайся.

Но пока князь думал, раздумывал и все бушевало в нем, в его опущенную голову стучало все сильнее. Наконец зал из яркого розоватого стал темно-красным. Змей большущий тоже стал пунцовый и вместе с тем – зацепил он, что ли, князя, – но вдруг его шибко ударило чем-то по голове.

В полусознательном состоянии князь все-таки понял, что он уже лежит на паркете, что ему нехорошо, что вокруг него много народу. И все нагибаются, хватают его за голову, за

руки. А ближе всех лицо сына и дочери, а за ними лицо графа Орлова.

XXVI

Князь-философ опасно заболел. С ним случилось именно то, что в семье смутно ожидали за последние годы. При его темпераменте и сидячей жизни он именно должен был опасаться удара.

Большинство москвичей дворян умирало так. Избыток здоровья, горячий темперамент и спокойная, беззаботная жизнь, при излишестве в пище, питье и сне, приводили всегда к одинаковому концу.

Если бы теперь в жизни князя не случилось никакого чрезвычайного происшествия, то он, быть может, все-таки раньше или позже подвергся бы удару. Чрезвычайный случай со сватовством только ускорил появление того, что всегда грозило.

Князь лежал в постели в полусознательном состоянии: у него отнялась правая рука, отчасти нога и слегка перекосило лицо. Однако доктора надеялись. Главный московский доктор-немец, с прозвищем Штадтфизикус, навещал больного всякий день и смело утверждал, что, при натуре князя, он может еще оправиться.

Князь Егор с женой и Егузинская переехали в бутырский дом и были неотлучно при больном. Вся Москва только и говорила, что о случае с князем-философом. Мнения разделились. Одни утверждали – и, конечно, меньшинство, – что

проделка графа Орлова со старым князем – поступок совсем негодный, оскорбительный для всего дворянства, что эдак шутить нельзя. Если может кто так шутить, так разве только «господа» Орловы, которым все трин-трава и море по колено. В особенности негодовали отцы семейств.

Большинство, однако, было совершенно противоположного мнения. Оно утверждало, что никто тут не виноват или сам князь виноват. Философ опростоволосился и, вдобавок, болезнью своею выдал сам себя. Все отлично поняли, что удар, приключившийся с князем, был прямым последствием оскорбленного самолюбия и обиды от той ловушки, в которую князь попал.

Не изображай он из себя философа, знайся с людьми, действуй проще – никогда бы ничего подобного не приключилось. Бывай он в гостях, увидел бы он графа Орлова где-нибудь на вечере, и обман, или «финт», стал бы невозможен.

Действительно, выходило так, что князь был сам кругом виноват. Его не обманывали – он сам себя обманул. Правда, его немножко подвели, но не какую-либо особенною адскою хитростью. Все случилось чрезвычайно просто. Если же вышло особенно удачно, то по не зависящим от Орлова и Галкина обстоятельствам.

Конечно, распутив слух о намерении жениться, граф похитрил немножко, но все-таки в самой проделке с князем прямого обмана не было. Затея могла и должна была не удалась, а случайно удалась вполне. И удалась как-то осо-

бенно просто и скоро. Разумеется, ожидать следовало, что князь-философ настолько самолюбив, что все скроет в себе и виду не покажет, что разыграл не философа, а простофилю. Но природа взяла свое, и приключился удар от нравственно-го потрясения.

– Все нутро перевернулось. Кондрашка и хватил! – объяснили москвичи.

Вся семья князя: сын, дочь и сестрица, хотя и были смущены, но, конечно, не могли считать себя виновными. Они не участвовали в проделке Орлова. Даже сам Галкин и тот считал себя виновным наполовину. Быть может, лишь одному Орлову было всего неприятнее все приключившееся. Он ожидал нажить в князе временного врага и затем умили-вить его, но никак не ожидал, что вдруг запахнет смертью.

С первого же дня болезни князя Орлов всякий день присылал кого-либо из своих адъютантов или секретарей узнать об его положении. К общему удовольствию, чрез несколько дней больному было уже немного лучше. Доктора наде-ялись более, чем когда-либо, на выздоровление. Наконец, чрез дней десять, князь уже мог слегка двигать рукой и но-гой. Семья вздохнула свободнее.

Но теперь представлялось вопросом, как поступит князь оправившись.

Княжна Юлия и Галкин боялись, что свадьба расстроит-ся. Князь, вероятно, хотел все скрыть ото всех и поэтому со-гласился на свадьбу. А теперь, когда все огласилось, когда

всякому в Москве известно, что он стал жертвой обмана, что он настолько оскорблен, что даже заболел, легко может случиться, что он пойдет на попятный двор.

В конце второй недели болезни князь начал быстро оправляться. Штатдфизикус перестал уже ездить в Бутырки и снова говорил везде, что русские натуры составляют исключение, а в Москве попадаются среди дворянства такие люди, которые созданы на какой-то особый лад, умеют умирать и воскресать. И будучи сам немцем, Штатдфизикус переделывал русскую поговорку и говорил: «Что немцу на умирание, то русскому на проживание».

В тот день, когда князь сошел с постели, уже изрядно двигаясь, и при помощи людей и костыля доковылял до кресла, чтобы посидеть, в бутырский дом приехал посланец Орлова. Он имел поручение спросить, угодно ли князю Телепневу принять графа Орлова, и если угодно, то какое он назначит время.

Князь велел отвечать, что готов принять графа когда угодно.

Что было в душе Философа, когда он первый раз очнулся в своей кровати, и что было теперь, никто не знал. Князь Аникита не обмолвился ни единым словом. Он знал отлично, что Москва поняла смысл или причину его болезни, и невольно сознавал, что разыграл совершенно глупую роль. У него хватило силы воли все скрыть. Разум послушался, но тело не послушалось. Нравственный удар самолюбию был

настолько силен, что повлек за собою другой, физический. Продолжать теперь притворяться, уверять всех, что он рад и счастлив, что болезнь приключилась независимо от обстоятельств, было еще глупее, ибо никого не надуешь!

– Что же делать? – спрашивал себя князь. – Отмстить и не соглашаться на брак или просто примириться, признаться, что подвели, поддели, и отнестись к этому добродушно? Ведь беды или несчастья никакого не будет... Напротив, будет счастье для дочери...

Раздумывая о том, как отнестись к происшествию, выздоравливающий князь не пришел ни к какому решению. Иногда приходили минуты озлобления и раздражительности, а затем сменялись минутами спокойствия и примирения... или же, вернее, жизненной усталости и равнодушия ко всему на свете. Семья окончательно не знала и не могла предугадать, чем все разрешится. Она, разумеется, ожидала с нетерпением, когда князь совсем поправится. Орлов обещался им всем быть у князя при первой возможности и просить у него прощения. А пока о женихе никто князю не должен был говорить ни даже поминать.

И вот появился посланец от графа, а затем, однажды вечером, на двор бутырского дома въехала хорошо известная в городе карета. Когда князю доложили о прибытии имени того гостя, он заволновался и выговорил глухо:

– Проси. Скажи, сожалею, сам встретить не могу...

Затем князь выслал родных из комнаты, остался один и

стал ожидать.

Чрез несколько мгновений, в блестящем мундире и регалиях, бодрою походкой, с добродушно улыбающимся лицом и ясным взглядом, вошел к князю в спальню тот же богатырь, которого он так недавно продержал несколько часов на стуле около передней. Граф поздоровался с хозяином, расцеловался, уселся около него и, положив руку ему на колено, стал с участием расспрашивать, как он себя чувствует.

XXVII

Чрезвычайная, влияющая на всякого простота в обращении, непринужденное добродушие и в лице, и в голосе, вся манера держаться и говорить – тотчас неотразимо подействовали на князя. Он сразу стих, примирился... Вдруг показалось ему ясно, что насколько все естественно в этом человеке, настолько в нем, князе, якобы философе, все фальшиво. Этот живет, чувствует и мыслит просто: что он есть, то он и есть! А он, князь, что-то такое выдуманное, деланное, взаймы взятое. Что он такое всю жизнь из себя корчил и представлял?.. Он комедиантствовал! Играл со всеми и доигрался до ловушки.

Положим, что в жизни этого молодого богатыря и красавца была только одна удача. Ему бабушка ворожила. А в жизни князя с первого шага, с приезда на службу, была только неудача за неудачей. Он был обижен судьбой, которая не дала ему ровно ничего изо всего, что ему желалось.

– Ну, давай, князь, говорить по душе. Все на ладонь! Слышь-ка? – заговорил наконец Орлов, придвигаясь еще ближе к креслу больного и кротко глядя ему в лицо. – Я хоть и виноват, но все ж таки не совсем. Я ведь не мошенничал. А коли смошенничал, то самую малую толику. Я только скромничал да якобы в конфуз обретался. Знаю, что теперь вы меня возненавидели, на меня обиделись и так даже

глубоко оскорбились, что захворали... Все это я разумею. И очень мне больно все и стыдно... В моем положении не след было никакие колена отмачивать. Да уж очень жаль мне было доброго молодца. Но все ж таки, друг, ведь особой напасти мы не затевали тут никакой. Ежели немножко в Москве на твой счет злые языки развязались, так плюнь на них. Будь вот теперь настоящим философом!

Князь хотел что-то ответить, но не знал, что сказать.

– Скажите мне: очень вы на меня озлобились, по правде? – произнес Орлов. – По сущей по правде!

– По сущей по правде, граф, был я тогда сильно обижен. А теперь, после того, что пожаловал ко мне и свистнул меня Кондратий Иваныч, как-то иначе сдается все... Ведь Кондрашка – не свой брат! Ведь я чуть не помер! Вот оно теперь все эдакое... людское или житейское представляется в другом виде... в грошовом, что ль...

– Ну, вот, родной мой! – воскликнул Орлов. – Вот истинно! Эдак-то вот философы и рассуждают.

И при этом Орлов положил снова руку на колено хозяина и прибавил:

– Вот теперь вы – истинный философ. Да! Эта людская суета кажет важным, когда человек глупостями занят. А в случае большого горя, большой болезни сейчас все это обернется нам пустяками и очам нашего разума кажет лишь маревом. Итак, князь, дружище, прежде всего мы решим первое дело. Вы на меня не злобитесь? Я тебе, князь, не стал

враг на всю жизнь, сказывай по совести.

Князь взглянул в лицо Орлова, невольно улыбнулся и произнес мягче, чем когда-либо в своей жизни:

– Нету... Какой враг! Где же!.. На вас поглядеть, нешто можно на вас злобствовать? Недаром вас любят все...

– Стало быть, простили вы меня?

– Что об этом, граф... Бросим...

– Ну, и слава Богу! Первый вопрос решен. Мы, стало, с вами на всю жизнь други-приятели. Каждый раз, что я приеду в Москву, то сейчас же к первому к вам. Я у вас виноватый и прощенный и, стало быть, я у вас в долгу. Теперь второе дело. Подлинно ли вам Галкин так отвратен? И чем? Опять-таки говори, князь, по правде, по совести, без утайки.

Князь слегка двинул плечами и вымолвил:

– Нет, что же... Он малый не глупый... дворянин... Дочь в него врезалась. Вот по имени-то фамильному...

– Что же? – перебил Орлов. – Не понимаю...

– Что? Галка... Сами знаете.

– Господь с вами! – воскликнул Орлов. – Вот где философия-то нужна! Такие ли прозвища на свете есть! И как не стыдно не только философу, а даже простому разумному человеку на эдакое обстоятельство внимание обращать. Чем же телепень лучше? Ну, положим, птица орел лучше птицы галки... – рассмеялся граф. – А уж телепень, право, не лучше галки.

И смех Орлова был настолько заразителен, что и князь

начал смеяться.

– Ну, теперь решим третье дело. Веришь ли ты, князь, что я отношусь к Галкину сердечно, что вся наша затея – не просто для меня времяпрепровождение? Веришь ли ты, князь, что я Галкина не оставлю и судьбой его займусь, как если б он был моим родственником?

– Не знаю, – отозвался князь. – Полагаю.

– Нет, не полагайте, а будьте уверены. Он мне по сердцу пришелся еще под Москвой. Ведь вы не знаете, как мы с ним повстречались, как он по моим холопам из пистолета палил. Это я все когда-нибудь вам расскажу... Так вот теперь, стало быть, я должен прибавить еще то, чего вы не знаете. Ваш будущий зять, офицер Галкин, если Бог даст мне и ему жизни и здоровья, годков через десять, а то и раньше, будет почище иных прочих, которых вы делали в женихи княжне. За это я вам отвечаю моим орловским словом. Проживите вы еще на свете десяток лет, и сами мне скажете, что довольны судьбой зятя и своей дочери. Все житейское в руках царицы нашей, а я у нее не последний человек. Ну, князь, так как же? Как порешишь?

– Да что же решать? Все решено.

– И перемены не будет?

– Нет, как можно...

– Все можно, князь. Поди, во время болезни не раз вам про нас думалось: вот дай срок, выздоровлю, я вам себя покажу!

И Орлов снова рассмеялся.

– Что? Разве не думалось так? Не собирались вы, лежа в постели, начать по выздоровлении калачики загибать – и мне, и Галкину, и даже дочери родной?

Смех Орлова настолько действовал заразительно на князя, что он не только развеселился, но даже чувствовал себя как-то лучше и бодрее. И вдруг князю-философу пришла мысль не только тотчас же согласиться на все и успокоить всех, но даже сделать что-нибудь большее.

– Не знаете ли, граф, где теперь Галкин? – вдруг спросил он. – Я бы желал за ним дослать!

– Дослать за ним недалеко. Я его привез с собою, и он сидит в зале с вашим сыном.

– Ну, вот и прекрасное дело! Я встать не могу... Уж вы потревожьтесь – позовите всех сюда, а в том числе и нареченного.

Через минуту появились в горнице все: дочь, сын, Егузинская, а за ними и богатырь номер второй, но в том же простом гвардейском мундире. Все были взволнованы, но с радостными лицами.

– Юла, иди сюда, – ласково произнес князь, улыбаясь. – Ну, и ты тоже, самозванец, поди! – обернулся он к Галкину.

Когда молодые люди приблизились к его креслу, князь поглядел на них: снова улыбнулся и, обратись к графу, выговорил:

– А ведь и впрямь он ничего! А к его прозвищу я привык-

ну. Ведь привык же я к своему. Ну, дети, вторично даю я вам мое согласие на брак, но уже безо всякого остервенения. А уж как я тогда был остервенившись! А уж пуще всего вот на его сиятельство. Помнится, разнес бы я не то что свой дом, а и всю Москву бы испепелил. Ну, когда же ваша свадьба? Приданое у нас давно заготовлено, стало быть, все дело за попом, а меня до церкви довезут. Вы вокруг аналоя походите, а я посижу да погляжу.

Через полчаса со двора князя Телепнева выехала карета Орлова, увозя шутника-вельможу, но привезенный им офицер остался в доме, и все его поздравляли. Весь дом бутырский заходил ходуном.

Не только семья, но и люди, заглянувшие в горницу барина-князя, удивлялись перемене, которая с ним случилась. Князь смотрел не только не сурово, но смотрел так, как никогда не бывало прежде. Он глядел «по-орловски» – заразительно добродушно. А то, что ему теперь думалось, – были думы истинного, а не поддельного филозофа.